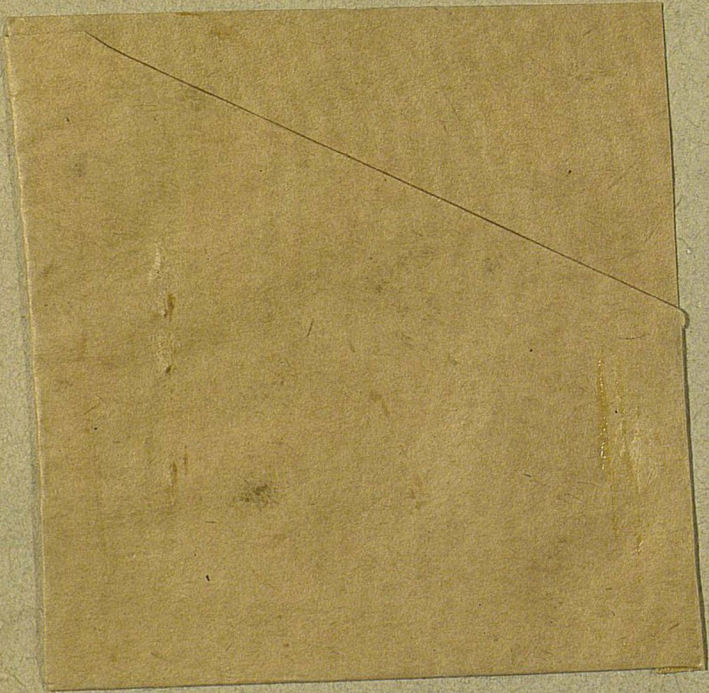

ЖСАВӨРӨНӨК

1913

7-12

XV $\frac{28}{6}$

ЖАВОРОНОКЪ

ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1913 г.

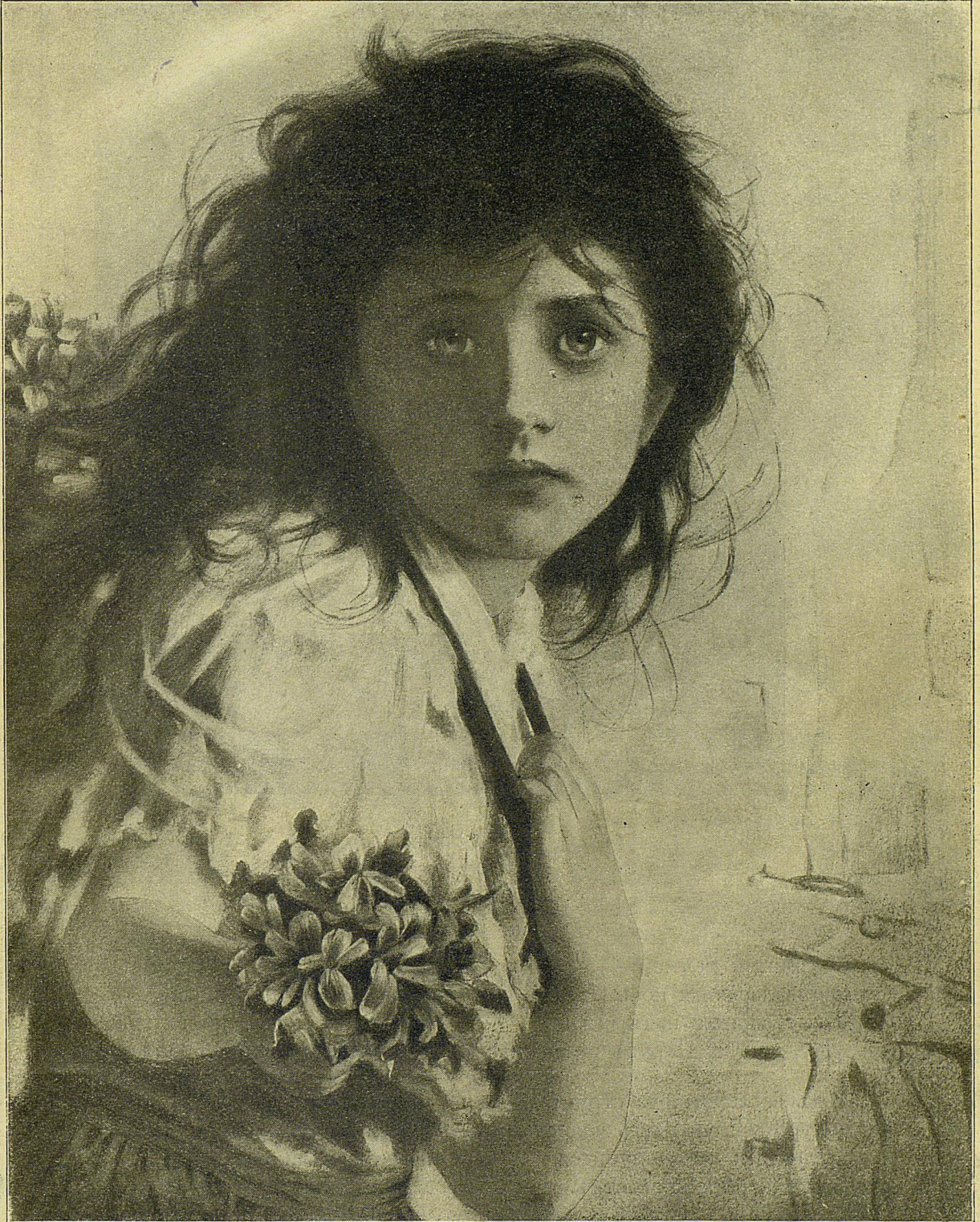
ВЪ ШТЫКИ

100 100

Жаворонокъ.

28
6

ЛВКЛ 51

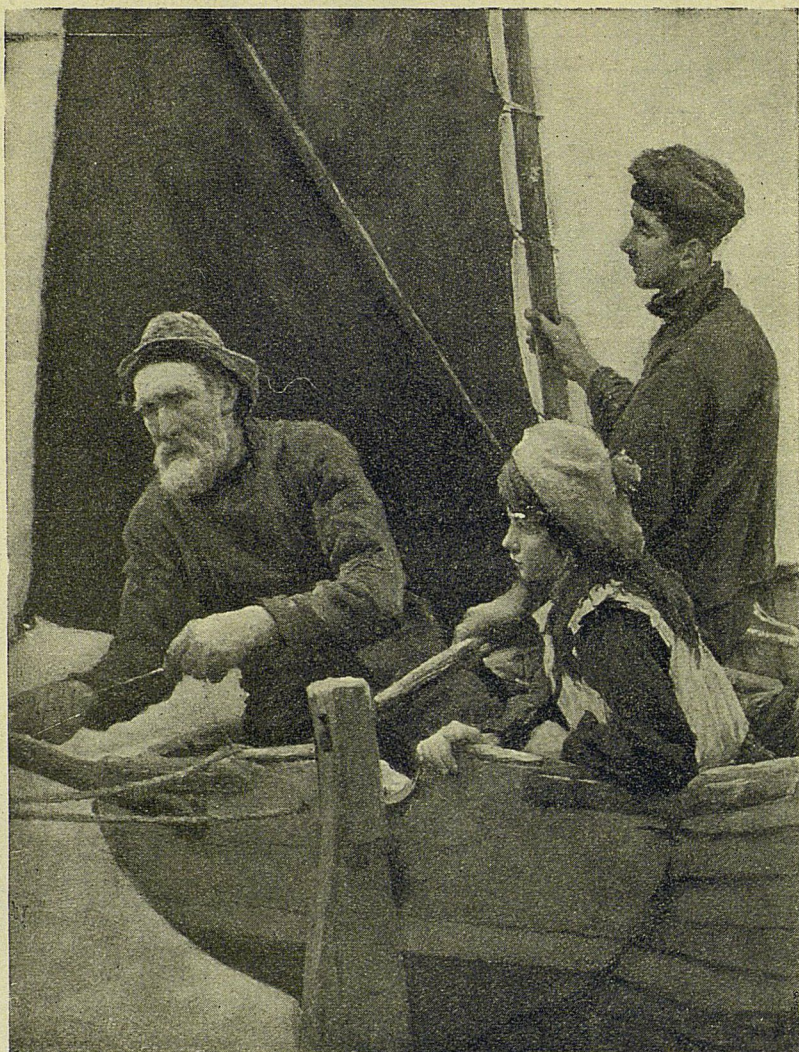

ФІАЛКИ.

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-99
и РУМЯНЦОВСКИЙ МУЗЕЙ

Юль. 1913 г.

Выпускъ 7-й.

НА ЛОДКЪ.

* * *

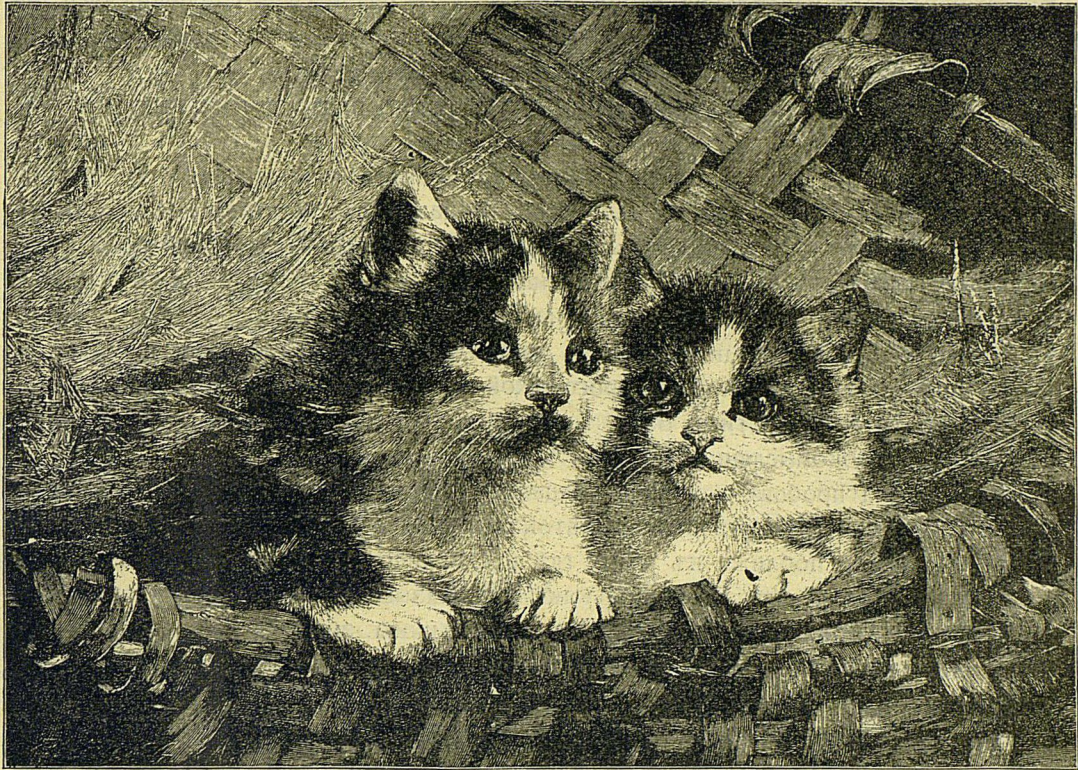
Лучезарными мечтами
 Дышетъ ласковая ночь;
 Звѣзды искрятся надъ нами...
 — „Ну, живѣе! Парусъ прочь!“

Подъ весломъ вода струится,
 Быстро мчится нашъ челнокъ,
 Вдалекѣ дымокъ клубится,
 Свѣтитъ робкій огонекъ.

Вотъ чуть виденъ берегъ дальній;
 Сосны старья въ тѣни...
 Что жъ ты дремлешь, другъ печальный?
 Ну-ка, пѣсню затяни!

Волны мчатся за волнами,
 Унося другъ друга прочь...
 Лучезарными мечтами
 Дышетъ ласковая ночь.

Арнадій Рожновъ.

ВЪ НОВОЙ КВАРТИРѢ.

РЫЖИКЪ.

Разсказъ П. В. Быкова.

Его нашли на берегу рѣки Самары, впадающей въ Днѣпръ. Обрывистый песчаный берегъ густо поросъ дубками и молодыми стройными ольхами. Тутъ, между двумя деревцами, въ ложбинкѣ, зеленѣвшей мягкой, шелковистой муравкой, онъ и сидѣлъ, печальный, одинокій и тихонько плакалъ. Да, да именно плакалъ, потому что глазенки его были мокры и немного потускнѣли отъ слезъ. Онъ не вытиралъ ихъ не потому, что у него платка не было, а оттого, что онъ забылъ о своихъ слезахъ и все думалъ о томъ, что же будетъ дальше. Онъ отошаль отъ голода, теплаго приюта у него не было, и куда ему идти—онъ не зналъ. Его тутъ или забыли, или бросили нарочно.

Хорошо еще, что время было такое, когда не дрожишь отъ холода, а грѣешься съ наслаждениемъ подъ привѣтливыми, благодатными лучами весенняго солнышка.

А весна стояла чудная,—такая, какая бываетъ только на югѣ, въ привольной, цвѣтущей Украинѣ. Но бѣдный, забытый сирота, казалось, и не замѣчалъ всѣхъ прелестей весны, ни голубого небеснаго шатра, раскинушагося надъ нимъ, ни бѣлыхъ нѣжныхъ, душистыхъ ландышей, которые цѣлой семьей жили очень близко отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ сирота, ни гудящихъ труженицъ пчель, наклонявшихся надъ ландышами и другими цвѣтами, ни птичьяго хора,

Который не могъ усидѣть на одномъ мѣстѣ и то удалялся, то приближался, ни пестрыхъ бабочекъ, мелькавшихъ мимо сиротки. У кого не весело на душѣ, кто чѣмъ-нибудь огорченъ, тому и природа далеко не мила.

Несмотря на его худобу, невзрачный, какъ будто слегка растрепанный видъ и крошечный ростъ, онъ все же былъ очень красивъ въ своемъ рыжевато-коричневомъ нарядѣ, въ бѣлыхъ чулочкахъ и въ бѣлой перчаткѣ, со своимъ длиннымъ пушистымъ хвостикомъ. Ага! вы, наконецъ, догадались, что бѣдный сиротинка былъ никто иной, какъ маленькій котенокъ. Судьбѣ угодно было забросить его въ тотъ самый живописный лѣсокъ, гдѣ расположилась большая помѣщичья семья, пріѣхавшая сюда на цѣлый день погулять, половить рыбки и раковъ въ Самарѣ, позавтракать на свѣжемъ воздухѣ и привезенными съ собой припасами и вкусной малороссійской кашей съ саломъ, которую варили поочередно то гимназистикъ Вася, то сестры его Галя и Вѣра.

Вася глубокомысленно мѣшалъ большой деревянной ложкой кашу въ котлѣ, изрѣдка пробовалъ и бросалъ щепотку соли или подбавлялъ подъ котель дровецъ, изъ наломанныхъ сухихъ вѣтокъ, а Галя и Вѣра отделились отъ мѣста стоянки и пошли поближе къ рѣкѣ, гдѣ росли лиловые колокольчики и желтый и синій касатикъ, или пѣтушки, какъ ихъ называли сестры, услыхавшія это названіе отъ стараго лѣсничаго Павла, большого знатока всѣхъ цвѣтовъ и травъ, которыя онъ собиралъ и сушилъ, потомъ дѣлалъ какія-то настойки и лечилъ мужиковъ. Сестры стали подходить къ берегу и любовались широко раскинувшейся послѣ весенняго разлива Самарой, отражавшей безоблачное, лазурное небо. По ней изрѣдка сновали лодки. Направо, на другомъ берегу, виднѣлись подъ красными крышами красивые домики нѣмецкой колоніи, а влѣво по легкому мостику тихо двигался желѣзнодорожный поѣздъ.

— Какой прелестный видъ отсюда!—сказала Вѣра младшей сестрѣ.—Да ты не туда смотришь, Галя! Чтò ты тамъ увидѣла? Ты какъ будто стойку передъ дичью дѣлаешь, какъ папинъ сетерь...

— Вотъ странно!—не отвѣчая на вопросъ сестры, воскликнула Галя.—Ты видишь эти двѣ, совершенно одинаковыя, ольхи? Теперь взгляни, чтò это такое между ними: неправда ли, какъ будто огромный грибокъ рыжикъ? Шевелится или это у меня отъ солнца глаза моргають?

— Въ самомъ дѣлѣ шевелится!—сказала Вѣра.—Пойдемъ скорѣе, Галя! Если это какой-нибудь звѣрекъ, разсмотримъ ближе... Только будемъ подходить осторожно, чтобы его не испугать. Кажется, это не бѣлка. Вѣдь, бѣлокъ въ этихъ мѣстахъ нѣтъ?

И сестры, замедляя шаги и крадучись, стали подвигаться къ ольхамъ, гдѣ горевалъ сиротливый котенокъ. При ихъ приближеніи онъ и съ мѣста не тронулся, а когда онѣ совсѣмъ близко подошли къ нему, онъ жалостно-прежалостно замыкалъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Дѣлайте со мной что хотите, только избавьте меня отъ голодной смерти!» Галя только руками всплеснула.

— Несчастный! Какой худенькій, заморышь! А все-таки онъ очарователенъ. Изъ него выйдетъ современемъ настоящій красавецъ!—тараторила Галя, цѣловала голову котенка, вытирала ему глаза и щеки, разглаживала его взъерошившуюся мѣстами шубку. Галя бережно понесла свою находку. А котенокъ какъ будто понялъ, въ какія руки попалъ, и вдругъ сталъ мурлыкать безъ конца.

— Вѣра! Галя!—кричалъ Вася, направляясь въ сторону сестеръ.—Каша го-

това! Идите скорѣй!—И побѣжалъ навстрѣчу сестрамъ.—А какихъ огромныхъ раковъ наловилъ Павелъ и сколько ершей!—докладывалъ онъ на бѣгу.—Да идите же скорѣй!

— Нѣтъ, ты посмотри, чтò мы несемъ! Чтò мы нашли!—выкрикивали обѣ сестры вмѣстѣ и издали показывали брату котенка, высоко подымая его на рукахъ.

— Вотъ невидаль! Удивительная находка!—воскликнулъ Вася, не любившій кошачьей породы.—Охота вамъ нянчиться съ этимъ дрянцомъ... Бросьте его!

— Да ты съ ума сошелъ, Вася! Бросить его, чтобы онъ умеръ съ голода... Чтобы собаки его разорвали... Или вороны заклевали! Я не ожидала, что ты такой безсердечный!..

— А если бы ты очутился въ такомъ состояніи? То есть не теперь, а когда ты былъ совсѣмъ маленькимъ?—обидчиво говорила Галя и еще нѣжнѣе прижимала къ себѣ котенка, котораго накрыла платкомъ отъ палящаго солнца, когда всѣ вышли на большую открытую лужайку.

— Ну, погладь его, Вася!—сказала въ свою очередь и Вѣра.

— За уши могу взять, какъ зайца!—поддразнивалъ Вася сестеръ и протянулъ было руку къ котенку.

— Посмѣй только! Я маму позову!—закричала Галя.

— Мяу, мяу, мяу!—раздалось изъ-подъ платка, да такъ жалобно, что и Вася добродушно усмѣхнулся и сказалъ:

— Ишь ты, какія нѣжности при нашей бѣдности! Онъ какъ будто догадался, почувствовалъ... Или это ты напугала его своимъ крикомъ?.. Желаю успѣха!—И Вася убѣжалъ, крикнувъ на прощанье:—Спѣшу! Въ стоянкѣ индѣйцевъ насъ давно уже ждутъ... Совѣтую и вамъ прибавить шагу!

Но Галя и Вѣра и безъ того летѣли на всѣхъ парусахъ. Онѣ горѣли нетерпѣніемъ скорѣе узнать—какое впечатлѣніе произведетъ на маму и на папу ихъ находка. Мама отнеслась къ несчастному сиротѣ очень благосклонно и разрѣшила Галѣ взять полчашки молока на угощеніе юнаго гостя. Конечно, онъ лакалъ своимъ крохотнымъ язычкомъ съ большой жадностью, несмотря на то, что молоко было холодное, такъ какъ бутылки съ нимъ были опущены въ воду озерца. Оно лежало въ четырехъ-пяти шагахъ отъ «стоянки индѣйцевъ», густо окаймленное шумливымъ камышомъ, и вода въ немъ была всегда очень прохладная, можетъ быть оттого, что его затѣняли росшія возлѣ него полукругомъ старыя серебристыя вербы, съ дуплами, изъ которыхъ по временамъ вылетали то воробьи, то желтыя синички, устраивавшія въ этихъ дуплахъ теплыя гнѣздышки.

Галя не спускала глазъ съ котенка, пока сиротка пилъ молоко, и была въ восторгѣ, что его отощавшій животикъ становился все пухлѣе и пухлѣе. Но Вася качалъ головою и говорилъ сестрѣ съ дѣловитымъ видомъ:

— Смотри, Галя! Не пришлось бы тебѣ плакать, если твоя находка свалится замертво. Неужели ты не знаешь, что оголодавшій человѣкъ не долженъ набрасываться сразу на пищу. А такому крохотному существу это тѣмъ болѣе вредно. Я читалъ, что...—Но Вася не успѣлъ докончить своего наставленія Галѣ. Прибѣжала Вѣра и объявила, что она нигдѣ не нашла папы и что это ее беспокоитъ. Она имѣла привычку постоянно пугаться всего, и Вася, зная ея слабость, постоянно подшучивалъ надъ нею.

— Не беспокойся: сквозь землю папа не провалился, коршунъ не схва-

тиль его, тигръ на него не напалъ. Пойдемъ втроемъ искать папу... А вотъ здѣсь ты имѣешь право безпокоиться. Галя занималась сейчасъ кормленіемъ звѣрей, и отъ излишняго усердія можетъ повредить своему Котофею Котофеичу. Смотри! Онъ вотъ-вотъ лопнетъ, какъ мыльный пузырь... Замѣчаешь, какъ онъ дрожить... Это у него лихорадка отъ желудка... Я терпѣть не могу кошачьяго отродья, но мнѣ все-таки жаль, что Галя мучить его изъ-за своей глупости...

Вѣра уже сдѣлала испуганные глаза и собиралась отнять у котенка блюдечко съ молокомъ, во второй разъ наполненное усердіемъ Гали, но котенокъ самъ отошелъ отъ блюдечка, капельку повертѣлъ хвостикомъ и принялся за умыванье. Галя терпѣливо подождала, пока онъ окончилъ это занятіе и затѣмъ, взявъ изъ экипажа какой-то ящикъ, устроила изъ него постельку и уложила спать своего питомца, который покорно позволилъ продѣлывать съ собою всю эту исторію и свернулся клубочкомъ въ ящикѣ.

А Галя, почему-то ступая на цыпочки, медленно отошла отъ дерева, возлѣ котораго поставила ящикъ со своимъ котенкомъ, и умоляющимъ шопотомъ сказала улыбавшейся матери:

— Мамочка, ради Бога, присмотри за нимъ, я тебя отблагодарю! Вонъ Вася и Вѣра уже идутъ на поиски за папой, и я пойду! Мать, не переставая улыбаться, молчаливо кивнула головою, и Галя вприпрыжку убѣжала, по временамъ оглядываясь,—не проснулся ли котенокъ.

А какъ только она ушла, изъ ящика раздалось протяжное «мяу, мяуу!». Котенокъ выползъ и сталъ оглядываться кругомъ, какъ будто изучалъ мѣстность, а можетъ быть припоминалъ то, какъ онъ очутился въ чужомъ краю, а потомъ попалъ и къ своимъ спасителямъ. Если бы въ эту минуту здѣсь была Галя, она бы непременно сказала, что котенокъ почувалъ ее отсутствіе, оттого и проснулся, и теперь недоумѣваетъ, куда она дѣвалась. У Гали отъ природы было очень сильное воображеніе, и папа недаромъ называлъ ее фантазеркой. Какъ-то она цѣлую недѣлю читала «Сказки Андерсена», читала дома, отложивъ въ сторону уроки, читала и въ классѣ, и до того зачиталась, что вообразила себя «принцессой на горошинкѣ»: до утра, цѣлую ночь, не могла заснуть; все ей чудилось, будто подъ ней что-то жесткое, что-то ей царапаетъ спину. По минутно зажигала свѣчу, шарила рукою по одѣялу, простынѣ, перевортывала тюфякъ, все искала какой-нибудь крошки, зернышка—и потомъ такъ крѣпко уснула, что мать не добудилась ея, и «принцесса на горошинкѣ» проспала часть, въ который ей надо было ѣхать въ гимназію. Отецъ порядкомъ пожурилъ ее и на время отнял у ней книжку сказокъ Андерсена. «А то, пожалуй,—сказалъ онъ ей,—ты еще вообразишь себя свинкой-копилкой, упавшей со шкафа и превратившейся въ черепки, или уродливой жабой, которую подхватилъ аистъ и унесъ въ Египетъ».

Въ то время, какъ котенокъ выползъ изъ своей постельки и изучалъ мѣстность, его спасительница и приѣмная мать стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ прошлогодняго стога сѣна и тихонько хохотала. У этого стога, на разостланномъ пледѣ и подложивъ пальто подъ голову, растянулся папа и спалъ крѣпкимъ сномъ. Возлѣ него валялась раскрытая книжка, и изрѣдка набѣгавшій вѣтерокъ, очевидно, просматривалъ ее, по крайней мѣрѣ онъ переворачивалъ листки. Еще наканунѣ папа съ лѣсничимъ исходилъ свой лѣсъ вдоль и поперекъ, и если онъ опять поѣхалъ въ лѣсъ, то только потому, что не хотѣлъ разстроить компанію да и любилъ покушать на воздухѣ. Онъ не забылъ захва-

тить съ собой и книгу, и аппетитные леденцы. Что грѣха таить: папа очень пристрастился еще съ дѣтства къ сладкому, и вѣчно сосалъ какую-нибудь конфетку. Усталаго всегда клонить ко сну: папа удобно пристроился у стога сѣна, взявъ книгу, отправилъ леденецъ въ ротъ—и не замѣтилъ, какъ сонъ овладѣлъ имъ. Книга съ него сползла, а леденецъ выпалъ изо рта и зимней сосулькой повисъ на его бородѣ.

Галя оттого и смѣялась. Поэтъ сказалъ: «Надъ тѣмъ смѣяться не грѣшно, что кажется смѣшно».

— Папа, а папа!—будила его Галя.—День тихій, чудный, веселый, каша такая вкусная, раки такіе огромные, а ты спишь!.. Спишь и не знаешь, какой у насъ, въ стоянкѣ индѣйцевъ, гости! Безъ тебя, папа, скучно! Папа, вставай! У меня къ тебѣ есть дѣло... Паааапа!

Но папа уже проснулся и только притворялся спящимъ. И когда его любимая дочка низко наклонилась къ нему—онъ громко и неожиданно для нея крикнулъ: «брысь, брысь!»—и, быстро вскочивъ на ноги, сладко потянулся.

— Я чудно выспался и такъ крѣпко спалъ, что даже разные сны видѣлъ,—сказалъ папа, зѣвая.—Между прочимъ, я видѣлъ во снѣ грибы-рыжики, а потомъ бѣлку...

— Вотъ чудеса! Онъ издали былъ похожъ на грибокъ-рыжикъ и немного на бѣлку! Ахъ, какой онъ красавецъ. Это я про нашего гостя говорю!—восторженно тараторила Галя. Папа не на шутку заинтересовался и пошелъ за Галей, бѣжавшей впереди. Она бѣжала, а сама думала, онъ такъ спѣшитъ. Не лучше ли было бы задержать папу и приготовить ко встрѣчѣ съ рыженькимъ гостемъ. Пожелаетъ ли еще папа взять котенка съ собою, держать его въ комнатахъ. Галя надѣялась на одно: папа не захочетъ огорчить свою любимую дочку отказомъ, тѣмъ болѣе, что за послѣдніе два мѣсяца она подтянулась и приносила изъ гимназіи хорошія отмѣтки. А все-таки сердечко у нея билось сильнѣе обыкновеннаго.

— Онъ дѣйствительно смахиваетъ немного на грибокъ-рыжикъ—и да будетъ онъ отнынѣ Рыжикомъ!—воскликнулъ папа и комически пожалъ лапку котенку и погладилъ его. А Рыжикъ вдругъ замурлыкалъ, да такъ громко, что всѣ обрадовались и наперерывъ спѣшили его погладить. Галя совсѣмъ умилилась, и на рѣсницахъ ея повисли слезинки, «какъ будто капелька дождя на юномъ деревцѣ березы».

— Мое сокровище! радость моя!—воскликнула Галя и цѣловала Рыжика въ самую мордочку.

— Однако, басню соловьями не кормятъ!—острилъ папа.—Я хотѣлъ сказать: «соловья баснями не кормятъ!» Поэтому дать Рыжику еще молочка!

И тутъ всѣ невольно засмѣялись, потому что Рыжикъ, какъ будто въ отвѣтъ на папины слова, замыкалъ очень кстати.

— По моему ему теперь нуженъ моционъ!—тономъ важнаго доктора произнесъ Вася по адресу Рыжика, когда котенокъ аппетитно покушалъ молока, вытеръ лапкой мордочку и собирался свернуться клубочкомъ.

Галя дала ему немного полежать, а потомъ на длинную веревочку прицѣпила кусочекъ тряпочки и у самаго носика Рыжика стала тихонько тянуть за веревочку. Рыжикъ сперва не обратилъ на это никакого вниманія, потомъ пошевелилъ ушками и тронулъ одной лапкой тряпочку на веревкѣ. Галя скорѣе стала тянуть по землѣ игрушку,—и началась потѣха. Котенокъ ловилъ тряпочку,

падалъ на спину, вскакивалъ, какъ-то вытягивался, дѣлалъ равнодушный видъ, а затѣмъ вдругъ порывисто стремился поймать игрушку, которая отъ него ускользала.

— Галя, довольно, ты его уморишь!—воскликнула Вѣра.—Онъ еще такой слабенькій! Лучше поноси его и потомъ уложи спать. Хочешь, я тебя замѣню, а ты отдохни...

Но Галя не согласилась. Солнце уже подвигалось къ западу. Стали собираться домой. Галя бережно везла своего приемыша и хмурила бровки, когда на кочкахъ фургонъ, гдѣ ѣхали дѣти, трясло и подбрасывало, или когда Вася громко хохоталъ. Рыжика она прикрыла своимъ шейнымъ шелковымъ платкомъ, и Вася поддразнивалъ сестру, говоря, что она приучаетъ своего питомца къ роскоши, что онъ не захочетъ потомъ укрываться даже дорогимъ батистовымъ платкомъ, а будетъ требовать только шелкового.

— Ты мнѣ надоѣлъ со своими остротами, Вася,—горячилась Галя.—Лучше бы ты не хохоталъ такъ громко и не пугалъ своимъ смѣхомъ ни въ чемъ не повинное существо...

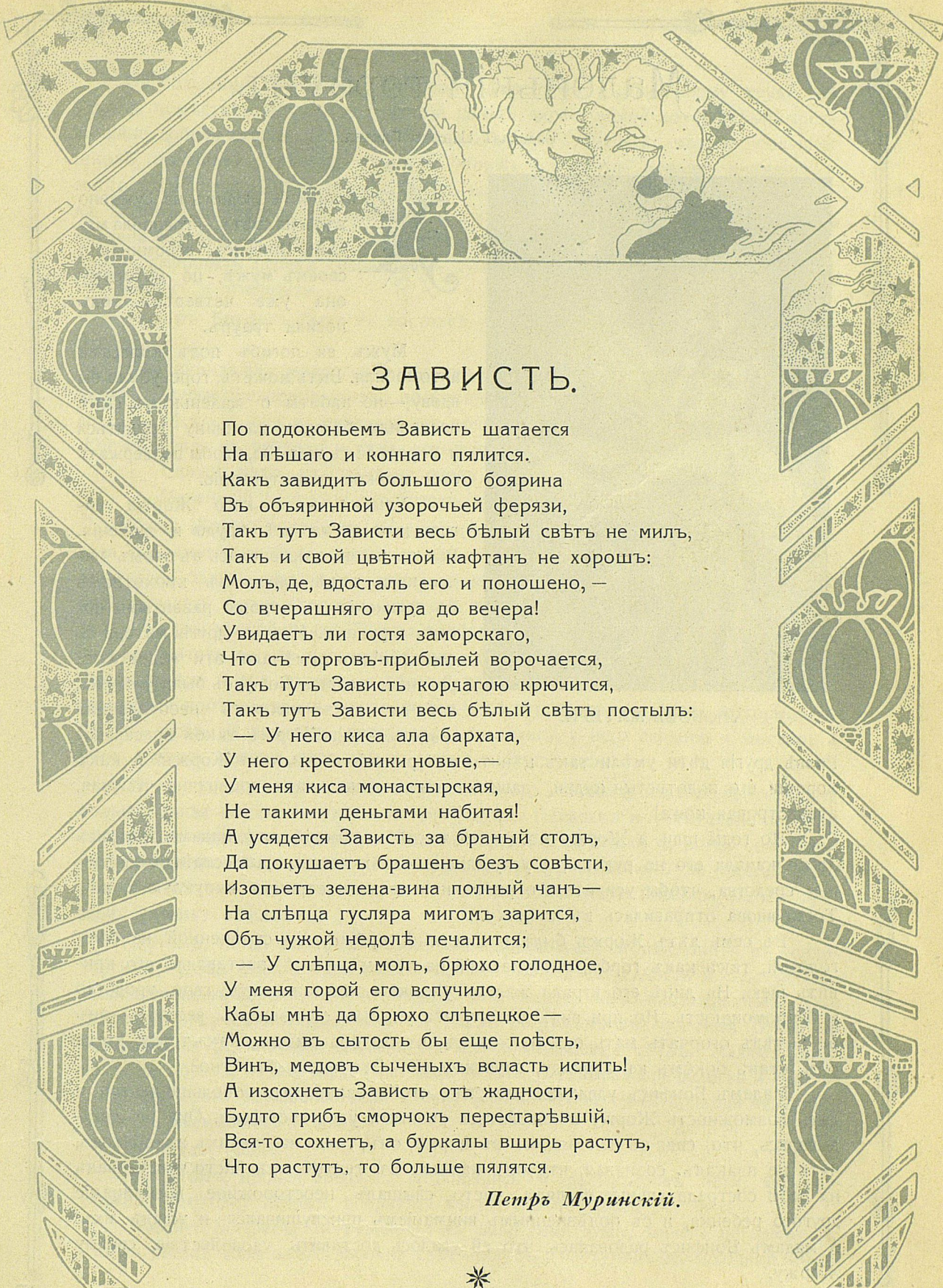
— А тебѣ,—не унимался Вася,—я бы посоветовалъ сойти съ фургона и идти пѣшкомъ, чтобы не растрясти своего сокровища. Вдругъ фургонъ подскочитъ высоко и оно, это неоцѣнимое сокровище, полетитъ кувыркомъ,—и Вася нарочно хохоталъ громче и отрывистѣе.

Окончаніе въ слѣдующемъ №

II. Быковъ.

*Дитя, хоть и хило,
А матери мило!*

ЗАВИСТЬ.

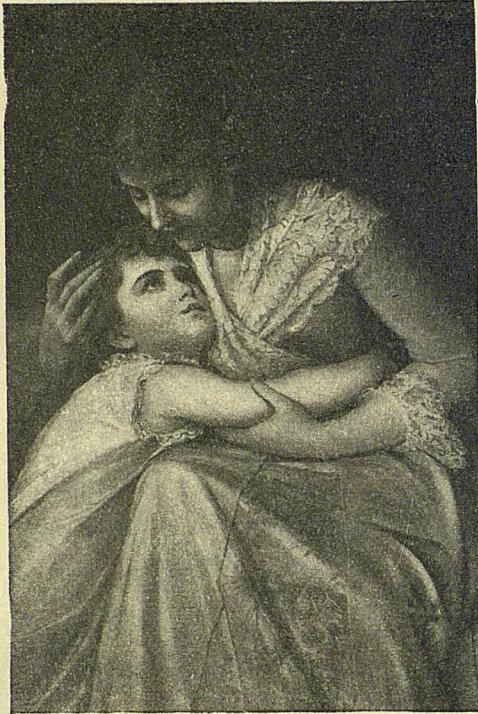
По подоконьемъ Зависть шатается
На пѣшаго и коннаго пялится.
Какъ завидитъ большого боярина
Въ объяринной узорочьей ферязи,
Такъ тутъ Зависти весь бѣлый свѣтъ не миль,
Такъ и свой цвѣтной кафтанъ не хорошъ:
Моль, де, вдосталь его и поношено, —
Со вчерашняго утра до вечера!
Увидаетъ ли гостя заморскаго,
Что съ торговь-прибылей ворочается,
Такъ тутъ Зависть корчагою крючится,
Такъ тутъ Зависти весь бѣлый свѣтъ постыль:
— У него киса ала бархата,
У него крестовики новые, —
У меня киса монастырская,
Не такими деньгами набитая!
А усядется Зависть за браный столъ,
Да покушаетъ брашенъ безъ совѣсти,
Изопьетъ зелена-вина полный чанъ —
На слѣпца гусляра мигомъ зарится,
Объ чужой недолѣ печалится;
— У слѣпца, моль, брюхо голодное,
У меня горой его вспучило,
Кабы мнѣ да брюхо слѣпецкое —
Можно въ сытость бы еще поѣсть,
Винъ, медовъ сыченыхъ всласть испить!
А изсохнетъ Зависть отъ жадности,
Будто грибъ сморчокъ перестарѣвшій,
Вся-то сохнетъ, а буркалы вширь растутъ,
Что растутъ, то больше пялятся.

Петръ Муринскій.

Маленькій горбунъ.

Разсказъ Шарля Гирша.

ЛЮБОВЬ МАТЕРИ.

Хорошимъ людямъ не суждено жить на свѣтѣ,—говорила мадамъ Бонфись, вспоминая о своемъ мужѣ, по которому она уже четвертый годъ носила трауръ.

Мужъ ея погибъ подъ колесами автомобиля. Быть можетъ, горе убило бы вдову,—но заботы о маленькомъ сынѣ заставили бѣдную женщину трудиться и бороться съ жизнью, чтобы поддержать свое жалкое существованіе.

Улыбка маленькаго Жоржа награждала ее за всѣ труды и лишенія. Вся ея жизнь заключалась въ этомъ маленькомъ тѣлѣ, слишкомъ крохотномъ по сравненію съ хорошо развитыми ногами и руками. И когда другія матери съ сожалѣніемъ замѣчали эти недостатки ребенка, мадамъ Бонфись была увѣрена, что въ нихъ говоритъ необузданная зависть,—вѣдь Жоржъ такой красавецъ!

Развѣ другія дѣти умѣли такъ цѣнить материнскія ласки, какъ Жоржъ? А какъ хороши его золотистыя кудри, завитыя въ кольца, какъ прозрачна нѣжная, алебастровая кожа!

Но годы шли, а Жоржъ оставался такой маленькій, что мадамъ Бонфись легко качала его на рукахъ, а услужливыя сосѣдки наперерывъ совѣтовали разные средства, чтобы усилить его ростъ и исправить странно выпуклую спину. Тогда вдова отправилась въ клинику...

Въ семь лѣтъ Жоржъ былъ несчастный горбунъ, со склоненной на бокъ головой, такъ какъ горбъ, выступающій на лѣвомъ плечѣ, заставлялъ его кривить шею. На лицѣ его играла жалкая улыбка—онъ сознавалъ свое уродство и беспомощность. Но при видѣ матери эта улыбка становилась веселой,—онъ не хотѣлъ огорчать мать, онъ не хотѣлъ, чтобы она рыдала, какъ тогда, когда онъ, ставъ бокомъ къ зеркалу, спросилъ ее:—Это очень замѣтно?

Мадамъ Бонфись удваивала энергію, чтобы заработать побольше денегъ и дать возможность Жоржу пользоваться разными удовольствіями. Она не догадывалась, что, сидя съ ней рядомъ въ циркѣ, онъ, глядя на ловкихъ акробатовъ, чуть не плакалъ, сознавая, что онъ калѣка. Въ театрѣ онъ часто чувствовалъ на себѣ сострадательныя взгляды, часто слышалъ неосторожное восклицаніе другого ребенка, и съ болѣзненнымъ вниманіемъ прислушивался и ждалъ ихъ. А мадамъ Бонфись радовалась, что ей удалось доставить удовольствіе своему Жоржу.

Съ большими жертвами, благодаря лишениямъ и усиленному труду, ей удалось помѣстить Жоржа въ частной школѣ, директриссой которой была чрезвычайно добрая старая барышня. Мадамъ Бонфись боялась, что въ большой школѣ, посѣщаемой дѣтьми бѣдныхъ, Жоржъ встрѣтитъ меньше вниманія и много насмѣшекъ. Директрисса частной школы сумѣла внушить ему довѣріе къ людямъ, заставляла его забывать о своемъ несчастіи и достигла того, что въ день раздачи наградъ Жоржъ, не задумываясь, выступилъ на эстрадѣ, чтобы продекламировать передъ собравшейся публикой выбранную имъ самимъ басню—«Волкъ и ягненокъ».

Мадамъ Бонфись была въ восторгѣ,—вѣдь, Жоржъ такъ хорошо декламировалъ!

Она купила ему матросскій костюмъ, новую шапку, высокія свѣтлыя ботинки, голубые шелковые носки; по крайней мѣрѣ, ея сынъ не будетъ хуже другихъ! И когда она расправляла его золотистые локоны, восторгаясь ими,—Жоржъ, глядя въ зеркало и самъ довольный собой, спросилъ ее:

— Скажи, мама, на спинѣ не очень замѣтно?

— Маленькій глупышъ! Ты будешь лучше всѣхъ,—былъ отвѣтъ матери.

Когда Жоржъ выступилъ на эстраду, мадамъ Бонфись затрепетала. Сначала онъ смутился. Онъ глазами сталъ искать мать, а когда замѣтилъ ее—его сердце больно сжалось: посреди роскошныхъ нарядовъ другихъ дамъ—его мать казалась такой бѣдной и жалкой, въ изношенномъ черномъ платьѣ и скромной соломенной шляпѣ. Жоржъ пробормоталъ заглавіе басни и затѣмъ сталъ несмѣло читать ее. Но постепенно онъ успокоился,—онъ вдругъ ясно почувствовалъ, что и онъ, въ жизни бѣдный калѣка, будетъ тотъ же ягненокъ, безпомощный противъ волка, и что волки—всѣ эти богатые и сытые, которые собрались здѣсь. И поэтому голосъ волка выходилъ у него сердито и жестко, а рѣчь ягненка звучала трогательно, мягко и безпомощно.

Лучъ солнца упалъ на мальчика, локоны его сверкали, словно золото, ясные большіе глаза выражали умъ и доброту души. Печально и трогательно звучалъ его голосъ, захватывая сердца. Жалкое тѣло его дрожало, и, когда онъ кончилъ, директриссѣ пришлось взять его подъ руку, чтобъ онъ не упалъ. Громъ аплодисментовъ былъ ему наградой, а потомъ вѣнокъ и подарки, какъ лучшему ученику класса.

Потомъ, когда они шли домой, мать предложила Жоржу зайти въ кондитерскую, чтобы съѣсть пирожныхъ, но онъ отказался. Радость и счастье его были слишкомъ велики, чтобы затмить ихъ маленькимъ наслажденіемъ. Они шли подъ руку съ матерью. Онъ весь былъ погруженъ въ чудесный сонъ, но неожиданная случайность вырвала его изъ прекрасныхъ грезъ. Мадамъ Бонфись не поняла, отчего вдругъ на лицѣ ея мальчика выраженіе радости и счастья уступило мѣсто выраженію горя и испуга. Какой-то негодяй, проходя мимо ихъ, шепнулъ насмѣшливо Жоржу:

— Куда, уродъ!

А потомъ, пройдя впередъ, сгорбившись и растопыривъ ноги, онъ изобразилъ походку Жоржа, обернулся къ нему и показалъ ему языкъ.

Мадамъ Бонфись, погруженная въ радостныя думы, ничего не замѣтила. Но въ сердцѣ маленькаго горбуна свѣтъ погасъ и наступилъ безысходный мракъ.

Онъ теперь только понялъ, что и походка его безобразна, вспомнилъ, что одна нога его короче другой.

Какъ только они пришли домой, Жоржъ подошелъ къ зеркалу.

— Ты былъ лучше всѣхъ, мой Жоржъ,—говорила ему мать,—но къ чему такъ долго стоять передъ зеркаломъ. Отойди, отойди, мой дорогой Жоржикъ!

Мадамъ Бонфисъ была слишкомъ счастлива, чтобы замѣтить, что дѣлается въ душѣ Жоржа. Пока она приготавлила обѣдъ, маленькій мальчикъ твердо рѣшилъ умереть. Онъ схватилъ коробку спичекъ, бросилъ спички въ стаканъ съ водой и спряталъ стаканъ подъ своей кроватью. За обѣдомъ онъ былъ веселъ, какъ никогда, а потомъ съ торжествомъ и гордостью показывалъ сосѣдямъ свои награды. Когда мать зажгла ночникъ, и они оба улеглись спать, мадамъ Бонфисъ вдругъ замѣтила, что Жоржъ наклонился и ищетъ что-то на полу.

— Что съ тобой, Жоржъ?

Она увидѣла стаканъ въ его рукахъ.

— Что ты сдѣлалъ, маленькій безумецъ! Здѣсь спички? для чего это?

— О, мама!

— Это ядъ! Ты бы умеръ!

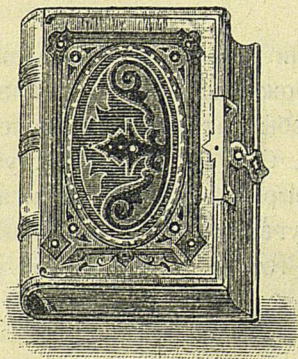
Голосъ, которымъ она кричала эти слова, звучалъ дико и сердито. Испугъ, ужасъ ея какъ будто обратились въ злобу. А потомъ она обняла ребенка.

— Не сердись, мама,—молилъ мальчикъ.

— Вѣдь, это ядъ, Жоржикъ, вѣдь, ты—все мое! Мой Жоржъ, моя крошка, ты бы могъ умереть! Ты подумай, пойми—умереть! Вѣдь, это ужасно!

— Мама, дорогая мама... Зачѣмъ мнѣ мѣшаютъ жить?!. Вѣдь я хорошій мальчикъ... Я всѣхъ люблю... Я хорошо учусь, да?.. Скажи злымъ людямъ, что нельзя смѣяться надъ некрасивыми... нельзя, мама, нельзя... Развѣ тотъ, кто смѣялся надо мной, назвалъ уродомъ, лучше меня? Вѣдь красота въ добромъ сердцѣ, мама? Да?

Онъ захлебывался отъ слезъ. А мать прижимала его къ себѣ и тихо убаюкивала маленькое, красивое, но израненное злымъ человѣкомъ, больное сердце.

КРИПТОГРАММА.

Найдите буквы и узнайте, какое слово скрыто въ этомъ альбомѣ.

ЧЬЯ ВОЗЬМЕТЪ?

НА ВРАГА!

КОРОЛЕВА САДА.

Разсказъ Л. Кормчаго.

I.

Стой, братъ! Шутить! Не вырвешься... погоди-ка, я твою физиономию опредѣлю... Кто ты такой будешь?

Мальчикъ усиленно вырывался и Иванъ Ивановичъ никакъ не могъ справиться съ нимъ... Напрасно пытался старикъ удержать его одной рукой, а второй добыть спички изъ кармана брюкъ: мальчикъ такъ рвался, что того-и-гляди выскользнетъ и ускользнетъ, а этого Иванъ Ивановичъ не могъ допустить.

— Да кто ты такой? Отзовись! — пыхтѣлъ Иванъ Ивановичъ. Онъ надѣялся хоть по голосу узнать мальчугана, но тотъ молчалъ.

— Ишь, ночь-то темная... — ворчалъ Иванъ Ивановичъ, удачно охватывая рукой врага. — Вотъ погоди маленько... Сейчас приструню!

Мальчуганъ притихъ на секунду, точно отказавшись отъ борьбы, потомъ вдругъ, какъ угорь, выскользнулъ изъ рукъ старика и тотъ еле-еле успѣлъ удержать его за рукавъ куртки. Борьба завязалась заново...

— Стой, братъ! Теперь научу я тебя, какъ воровать чужія яблоки! Да... Онъ вынулъ спички.

Мальчикъ понялъ неминуемую опасность и сдѣлалъ послѣднюю попытку вырваться, но старикъ крѣпко держалъ его. Приходилось сдаваться...

— Не рвись... Все равно...—Иванъ Ивановичъ чиркнулъ спичку и... вскрикнулъ отъ боли: два яблока съ силой ударились ему въ лицо... Искры посыпались изъ глазъ старика... Онъ машинально поднесъ руки къ лицу и... отпустилъ мальчика.

Спустя минуту, старикъ опомнился и бросился въ погоню за бѣглецомъ, но было поздно: три маленькія тѣни обрисовались на высокомъ заборѣ и исчезли, нырнувъ въ мракъ ночи. Тихій сдавленный смѣхъ донесся до слуха старика...

Иванъ Ивановичъ постоялъ передъ заборомъ, подумалъ, потомъ махнулъ рукой и пошелъ по саду, отчаянно ругая ребятешекъ.

— Проклятые! Не досмотри только —мигомъ обчистятъ... Да видано-ли... Ахъ, ты... И ночь-то, какъ на грѣхъ, темная,—съ досадой плюнулъ старикъ, поглядѣвъ на небо, сплошь закрытое тучами.

Онъ подошелъ къ яблонѣ, на которой только что поймалъ мальчугана, зажегъ фонарь, оброненный во время возни, и долго ходилъ вокругъ дерева, стараясь рассмотреть, не попортилъ ли его воръ.

Яблоня эта была одна у Ивана Ивановича и составляла всю гордость его. Во всемъ городкѣ ни у кого не было такой яблони, и сосѣди завидовали ему.

Старикъ гордился этой яблоней и, когда говорилъ съ кѣмъ-нибудь о ней, то относился къ дереву съ какимъ-то почтеніемъ и почему-то никогда не называлъ его иначе, какъ «королева сада».

Много тревоженій было у старика осенью, когда начинали созрѣвать яблоки,—того и гляди оберутъ ее! И Иванъ Ивановичъ проводилъ ночи въ саду.

Ребята не давали ему покоя: каждую ночь почти приходилось ловить воровъ.

Такъ было и сегодня. Не успѣлъ онъ отлучиться изъ сада на пять минутъ, какъ на дерево взобрался уже мальчуганъ.

— Разбойники!—ворчалъ старикъ,—право, разбойники. Ну, ужъ коли изловлю кого-нибудь, сведу къ отцу-матери! Будешь доволенъ!

И возмущенный, онъ грозилъ кулакомъ невидимымъ врагамъ.

Между тѣмъ «разбойники», причинившіе огорченіе Ивану Ивановичу, были уже далеко отъ его дома. Они ѣли яблоки и весело бесѣдовали по поводу неудачнаго нападенія на садъ старика.

Пробираясь «задами» домой, они обдумывали, какимъ бы путемъ ограбить до-чиста «королеву» Ивана Ивановича.

Мальчики эти (ихъ было трое) въ сущности были далеко не такими испорченными, чтобы нарочно доставлять кому бы то ни было огорченія. Всѣ трое были даже добрыми ребятами, но въ настоящее время Матя, Коля и Саша (такъ звали шалуновъ) играли «въ разбойники» и потому, вполне понятно, явилась необходимость кого-нибудь ограбить: а также, вѣдь, невозможно же, чтобы существовала шайка разбойниковъ, составленная изъ такихъ смѣлыхъ ребятъ, и жители городка не знали бы о ея существованіи. Нашимъ «разбойникамъ» больше всего была нужна слава.

Мальчики выбрали самую темную ночь, чтобы забраться въ садъ Ивана Ивановича. Попытка, однако, была настолько неудачной, что самъ атаманъ шайки, Матя, чуть не былъ пойманъ. Его выручили два яблока, мѣтко брошенные остальными разбойниками.

— Не удалось намъ сегодня!—съ досадой говорилъ Саша.

— Да,—согласился Коля,—и Матя чуть не попался...

Матя не принималъ участія въ бесѣдѣ.

Матя ломалъ голову, какъ бы провести Ивана Ивановича. Несмотря на

неудачу, онъ все-таки не отказался отъ мысли ограбить садъ старика. Наоборотъ, неудача только раззадорила его и теперь сотни разнообразныхъ плановъ вертѣлись у него въ головѣ, но всѣ оказывались непригодными. Наконецъ, его ослѣнила великолѣпная идея. Матя даже подпрыгнулъ отъ восторга.

— Нашель!—воскликнулъ онъ.—Быть Ивану Ивановичу безъ королевскихъ яблокъ!

Тонъ голоса былъ такъ самоувѣренъ, что пріятели не могли усомниться въ его словахъ.

— Ну?

— Вѣрно... Потомъ расскажу... Завтра, когда все обдумаю хорошенько... Ты, Коля, зайди ко мнѣ утромъ, часовъ въ восемь—нуженъ будешь, а Саша часамъ къ девяти приходи въ «Чортову пещеру». Мы придемъ туда съ Колей... Тогда я расскажу свой планъ. Ладно?

— Ладно!—согласились «разбойники».

Они простились другъ съ другомъ и разошлись въ разныя стороны.

Матя долго не могъ уснуть, всесторонне обдумывая грандіозный планъ, зародившійся въ его головѣ.

II.

Иванъ Ивановичъ сидѣлъ въ тѣни своей «королевы» и пробавлялся чайкомъ. Было не больше восьми часовъ утра. Старикъ прихлебывалъ чай, время отъ времени покуривалъ трубку и любовался плодами любимаго дерева. Вся усыпанная крупными яблоками, «королева» въ изнеможеніи до земли опускала свои вѣтки, радуя взоры хозяина.

Крупные плоды сверкали на утреннемъ солнцѣ и манили къ себѣ. Они казались такими вкусными, сочными и сладкими, что могли заставить облизнуться самаго серьезнаго человѣка.

— Да, черезъ недѣлку и собрать ужъ можно!—бесѣдовалъ Иванъ Ивановичъ не то съ трубкой, не то съ самимъ собой.—Эка, вѣдь, благодать!

Старикъ уже забылъ борьбу съ маленькимъ разбойникомъ и находился въ самомъ благодушномъ настроеніи.

— Иванъ Ивановичъ! Гдѣ ты?—донесся къ нему отъ дома женскій голосъ. Иванъ Ивановичъ поморщился.

— Ну, видно, новостей набралася на базарѣ. Ишь, что паровозъ летитъ!—недовольно пробурчалъ онъ.

Къ яблонѣ шумно подбѣжала Анфиса Николаевна, супруга Ивана Ивановича, пожилая, но очень подвижная и живая особа.

Анфиса Николаевна была страшно взволнована. Съ минуту она стояла молча, тяжело отдуваясь: отъ усталости она не могла произнести ни слова.

Иванъ Ивановичъ, хотя и любилъ поболтать на досугѣ съ сосѣдями, однако, сильно недолюбливалъ сплетни, которыя ежедневно сообщала ему жена. Набирада она ихъ на базарѣ, куда каждый день стекалось аккуратно все женское населеніе городка, и неизмѣнно дѣлилась ими съ мужемъ.

Иванъ Ивановичъ и теперь приготовился выслушать кучу всякаго вздора.

— Нѣтъ, ты подумай только, чѣмъ порадовали меня сегодня!—всплескивая руками и съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, воскликнула Анфиса Николаевна.

Иванъ Ивановичъ хладнокровно сплюнулъ.

— Да, тебѣ на все плевать! А ты посмотри, что на душѣ у меня дѣлается. Вѣдь, изъ-за тебя же, какъ сумасшедшая, съ базара бѣжала.

— Изъ-за меня?

— А то изъ-за кого же еще прикажешь мнѣ бѣгать? Изъ-за тебя, понятно! Тебя убить собираются!

Провались сейчасъ на глазахъ у Ивана Ивановича сквозь землю его «королева» съ цѣлымъ садомъ да еще съ Анфисой Николаевной въ придачу, онъ не былъ бы такъ пораженъ, какъ этой новостью. Хладнокровіе его испарилось, какъ дымъ, и отъ недоумѣнія даже трубка вывалилась изъ рукъ.

— Меня?

Анфиса Николаевна полюбовалась съ секунду произведеннымъ ею эффектомъ и продолжала:

— Да, тебя! Тутъ бродяги вчера ночью въ старой ригѣ, что за мельницей, разговаривали. Ты не подалъ имъ, видишь, третьяго, что ли, дня, а выругалъ даже... Вотъ они и собираются тебя убить.

Недостатка въ бродягахъ не было въ П—кѣ. Съ ранней весны и до поздней осени бродили они цѣлыми бандами по окрестности...

Иванъ Ивановичъ ненавидѣлъ ихъ и очень часто пускался съ ними въ пререканія. Почти не проходило дня, чтобы не появлялся какой-нибудь бродяга возлѣ дома Ивана Ивановича, и потому онъ не нашелъ ничего невѣроятнаго въ сообщеніи супруги, тѣмъ болѣе, что въ городкѣ случилось нѣсколько несчастій, приписанныхъ мести бродягъ.

— Пстой-ка, Анфиса, какіе тамъ бродяги?—недоумѣвалъ старикъ.

— Да мало-ли ихъ тутъ пугается?

Но это не удовлетворило Ивана Ивановича.

— Вздоръ, Анфиса!—попробовалъ онъ успокоить супругу.

— Вздоръ?—накинулась она на него.—Эхъ, ты! Вздоръ? А давно ли у Анатоля Павловича домъ сожгли бродяги—также не подалъ, а полиціей пригрозилъ? Сѣно у Ильи Николаевича давно сожгли? Что жъ ты думаешь, тебя пожалѣютъ, что ли? А? Вѣдь и живемъ-то мы на самомъ краю города—кругомъ пусто, ни души! Да тутъ и всѣхъ зарѣжутъ и никто не услышитъ! Господи!

— Да погоди ты причитать!—прервалъ Иванъ Ивановичъ супругу.—Кто говорилъ тебѣ объ этомъ?

— Кто? Да весь городъ, почитай, знаетъ!

— Да узнали-то откуда?

— Мельниковой сынишка ночью, вишь, путался—знаешь его, проказника-то, такъ подслушалъ разговоръ!

— Это Матюшка-то?

— Ну, да. Да еще Колюнька исправничихинъ тоже говорилъ!

Въ головѣ Ивана Ивановича на минуту промелькнуло воспоминаніе о ночной исторіи, но сразу же исчезло—не до маленькихъ воришекъ было теперь.

Нужно было принять мѣры предосторожности: вѣдь, бродяги—извѣстный народъ. Да и не могли же дѣти сами придумать всю эту исторію.

Но что дѣлать? Иванъ Ивановичъ вспомнилъ, что у него на чердакѣ гдѣ-то имѣется ружье.

Онъ всталъ со скамеечки и задумчиво побрелъ домой. Его благодушное настроеніе какъ рукой сняло, и безпокойство овладѣло старикомъ.

Ружье было найдено въ кучѣ какого-то хлама, но какое ружье! Стволь его покрылся ржавчиной, даже искривился почему-то, замокъ не дѣйствовалъ.

Иванъ Ивановичъ повертѣлъ его грустно въ рукахъ и, убѣдившись въ полной негодности ружья, снова закинулъ его на чердакъ.

Потомъ въ глубокой задумчивости онъ долго ходилъ взадъ и впередъ по саду. Трубка не выходила изъ зубовъ, и клубы дыма, окутывавшіе голову старика, доказывали, что онъ волнуется не на шутку.

Наконецъ, онъ надумалъ что-то и, надвинувъ на голову картузь, направился куда-то.

Вернулся онъ домой очень скоро. Ему удалось занять у сосѣда ружье и отыскать здоровеннаго дѣтину, который согласился покараулить домъ старика.

Дѣтина былъ громаднаго роста, одѣтый въ какія-то лохмотья, со звѣрскимъ, распухшимъ отъ безпросыпнаго пьянства, лицомъ. Онъ шелъ рядомъ съ Иваномъ Ивановичемъ, неистово размахивалъ руками и кричалъ грубымъ хриплымъ голосомъ:

— Бродяги? Да мы ихъ! Пусть сунутся только!— и громадные кулаки яростно грозили по сторонамъ.

Иванъ Ивановичъ былъ, видимо, доволенъ своей находкой. Онъ шелъ возлѣ оборванца и ласково говорилъ время отъ времени:

— Такъ, такъ, Карпушка, защити, родной!

На это его спутникъ неистово оралъ, вращая во все стороны воспаленными глазами:

— Пусть сунутся! Пусть подойдутъ! Мы ихъ..

III.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка Быстрая дѣлаетъ поворотъ, огибая П—къ, берега ея поднимаются двумя высокими выступами, словно тисками сдавливая воду. Склоны ихъ поросли густымъ непроходимымъ орѣшникомъ и разными сорными травами. Вода здѣсь бѣшено прыгаетъ по камнямъ, наваленнымъ въ руслѣ, точно торопясь проскочить узкій проходъ, чтобы разлиться немного поодаль маленькимъ озеромъ и, сверкнувъ серебряной змѣйкой между холмами, скрыться подъ тѣнью дремучаго бора.

Въ одномъ изъ обрывовъ образовалась довольно обширная выемка, нѣчто вродѣ пещеры, скрытая отъ нескромныхъ взоровъ густой зарослью кустовъ.

Въ непрерывныхъ поискахъ приключеній, томимый жаждой открытій, Матя случайно набрелъ на эту пещеру. Понятно, юные П—кіе «разбойники» сразу же сдѣлали ее своимъ «логовищемъ», окрестивъ подходящимъ именемъ «Чортовой пещеры».

Въ то время, какъ Иванъ Ивановичъ волновался, выскивая средства защитить свою жизнь отъ бродягъ, въ Чортовой пещерѣ собрались «разбойники».

Развалясь въ самыхъ живописныхъ позахъ на мягкомъ рѣчномъ пескѣ, сплошь устилавшимъ почву въ пещерѣ, дѣти оживленно болтали.

Матя передавалъ Сашѣ свой планъ нападенія на садъ Ивана Ивановича, и мальчики время отъ времени прерывали рассказъ своего «атамана» взрывами веселаго смѣха.

— Ты думаешь, что Иванъ Ивановичъ сегодня узнаетъ объ этомъ?—спросилъ Саша, когда Матя кончилъ рассказъ.

— Еще бы! Не успѣлъ я матери толкомъ рассказать, какъ она шибче поѣзда понеслась на базаръ. Забыла даже поругаться за то, что путаюсь безъ спроса по ночамъ... Весь городъ сейчасъ узнаетъ.

— Когда же мы пойдём? Сегодня?

— Нѣтъ. Лучше завтра. Вѣрнѣе.

Мальчики поговорили немного, выкупались и направились въ городъ «по-разнюхать», какъ выразился Матя.

«Разбойники» остались очень довольны: рассказъ о бродягахъ ходилъ по городу. Его пересказывали перетолковывали на всѣ лады, причемъ количество бродягъ росло въ воображеніи досужихъ людей и къ вечеру превратилось въ дѣльную шайку вооруженныхъ бандитовъ.

Наши «разбойники» чувствовали себя героями... Съ важнымъ и таинственнымъ видомъ расхаживали они по городу. Матя и Коля охотно повторяли любопытнымъ исторію о бродягахъ, увлекаясь своими рассказами до такой степени, что чуть-ли сами не вѣрили своей выдумкѣ.

Не забывали дѣти и Ивану Ивановичу рассказать о бродягахъ.

Видъ у старика въ это время былъ такой убитый и несчастный, что Матѣ стало жалко его.

Онъ напоминалъ собой беззащитное слабое животное, ожидающее гибели и озирающееся по сторонамъ въ бесплодныхъ поискахъ спасенія. На одну минуту мальчикъ проклялъ было всю свою выдумку. У него даже было благое побужденіе успокоить старика, сказать ему, что рассказъ о бродягахъ ложь, но... «слава разбойника» помѣшала. Она точно уцѣпилась за языкъ мальчугана, мѣшая ему сказать правду. Она въ одно мгновеніе доказала Матѣ, что «настоящій разбойникъ» не долженъ останавливаться ни передъ чѣмъ на пути къ знаменитости, и Матя отогналъ отъ себя колебанія, хотя на душѣ у него осталось что-то нехорошее. Грусть овладѣла мальчикомъ.

Саша и Коля чувствовали то же самое, но всѣ трое старательно скрывали свои чувства, а напускною веселостью старались отогнать укоры совѣсти.

Была и такая минута, что дѣти совсѣмъ хотѣли отказаться отъ мысли ограбить садъ Ивана Ивановича, когда передъ ними предстала колоссальная фигура полупьянаго Карпа, но... къ сожалѣнію, они хорошо знали Карпа, и его привычка напиваться къ вечеру пьянымъ тоже была имъ хорошо извѣстна. Они знали, что Карпъ не можетъ жить безъ водки, какъ рыба безъ воды.

Карпъ не былъ страшенъ «разбойникамъ»!

. IV.

Часы на колокольнѣ пробили одиннадцать. Ночь была темная, безлунная.

Матя тихо всталъ съ кровати, быстро одѣлся и подошелъ къ окну... Все было тихо кругомъ... Только сверчокъ трещалъ въ углу, нарушая ночную тишину, да снизу доносился чей-то тихій храпъ. На улицѣ не видно ни души.

Матя раскрылъ окно и осторожно выбрался на крышу дома. Проползъ нѣсколько шаговъ до террасы и безшумно соскользнулъ въ садъ по одному изъ столбовъ, поддерживавшихъ ея крышу. Тутъ онъ снова прислушался, осмотрѣлся по сторонамъ и, убѣдившись, что ничего подозрительнаго кругомъ него не было, перелѣзъ черезъ заборъ на огороды.

Нужно было двигаться почти ощупью, но это мало смущало Матю: на десять верстъ кругомъ не было такого уголка, котораго бы онъ не зналъ.

Миновавъ длинный рядъ огородовъ, Матя выбрался къ рѣкѣ. Тутъ онъ остановился и издалъ легкій свистъ.

Въ отвѣтъ изъ кустовъ раздалось два точно такихъ же свистка. Кусты зашелестѣли и изъ нихъ вынырнули двѣ темныя фигуры. То были Саша и Коля.

Мальчики обмѣнялись шопотомъ нѣсколькими словами и затѣмъ, осторожно крадучись, направились къ дому Ивана Ивановича.

Шли они тихо, прислушиваясь ко всему и вздрагивая при каждомъ малѣйшемъ шорохѣ. Наконецъ, они добрались до забора сада.

«Разбойники» остановились.

— Погодите,—шепнулъ Матя,—сперва я одинъ пойду.

Онъ скользнулъ черезъ заборъ, а Саша и Коля стали дожидаться его возвращенія. Черезъ минуту голова Мати показалась надъ заборомъ.

— Перелѣзайте. Карпъ дрыхнетъ во всю!

Мальчики мигомъ перебрались черезъ заборъ и направились къ злополучной «королевѣ».

Иванъ Ивановичъ ходилъ изъ угла въ уголъ по дому со свѣчкой въ рукахъ, обзрѣвая каждый закоулокъ, пробуя запоры...

Онъ вздрагивалъ при каждомъ звукѣ, доносившемся извнѣ, и при самомъ слабомъ шорохѣ готовъ былъ бѣжать изъ дому.

Его пугали даже шарканье своихъ собственныхъ туфель и тѣнь Анфисы Николаевны, по пятамъ слѣдовавшей за мужемъ.

Вдругъ сквозь мертвую тишину донесся до слуха супруговъ звукъ—будто кто-то сыпалъ на землю съ вышины цѣлыя мѣры картофеля. Оба поблѣднѣли и свѣчка задрожала въ рукахъ Ивана Ивановича.

— Анфиса, слышь!—прошепталъ старикъ.

— Батюшки, идутъ!—присѣла отъ страха Анфиса Николаевна.

Шумъ прекратился, но черезъ минуту повторился снова.

— Анфиса, никакъ «королеву» трясутъ!

И, забывъ про всякій страхъ, онъ хотѣлъ было выбѣжать въ садъ, но Анфиса Николаевна отчаянно вцѣпилась въ него обѣими руками.

— Куда ты?—закричала она.—Убьютъ! Пусть ихъ хоть весь садъ обираютъ, лишь бы насъ не тронули! Свѣтикъ ты мой...

Мальчики усердно трясли «королеву». Крупныя яблоки шумнымъ дождемъ падали на землю, разлетаясь во всѣ стороны... «Разбойники» торопливо собирали ихъ оцупью въ три объемистые мѣшка.

Спустя полчаса, мѣшки были наполнены. Матя взвалилъ мѣшокъ на плечи.

— Пойдемъ! Будетъ!

Саша и Коля послѣдовали его примѣру. Садъ опустѣлъ.

У.

Еле дожилъ Иванъ Ивановичъ до утра и когда, наконецъ, на-разсвѣтѣ рискнулъ выйти въ садъ, то обомлѣлъ отъ ужаса: его красавица - яблоня предстала передъ нимъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Густыя вѣтви ея были совершенно пусты и только кое-гдѣ стыдливо пряталось въ листья неупавшее яблоко!

Иванъ Ивановичъ постоялъ грустно передъ яблоней и отправился искать своего сторожа.

Карпъ лежалъ въ дальнемъ концѣ сада въ смородинныхъ кустахъ и храпѣлъ на всѣ лады. Возлѣ него валялась пустая бутылка отъ водки.

— Карпъ! Карпъ!—крикнулъ во все горло Иванъ Ивановичъ надъ самымъ ухомъ своего тѣлохранителя.

Карпъ открылъ глаза и мутнымъ пьянымъ взглядомъ поглядѣлъ на старика.
— Мм... Что, аль бродяги пришли?—прохрипѣлъ онъ.—Ммы ихъ... Не бось, другъ сердешный... Рраззобью... ссейчасъ...

Глаза его снова закрылись, и храпъ опять разнесся по саду.

Днемъ въ Чортовой пещерѣ собрались изобрѣтательные мальчуганы. «Слава» была достигнута: весь городъ толковалъ объ ихъ походе, но «разбойники» почему-то были очень не веселы. Груда яблокъ, лежавшая возлѣ нихъ въ пещерѣ, нисколько не радовала, а, наоборотъ, какъ-то угнетала.

«Атаманъ» былъ мраченъ. На душѣ у него залегла тяжесть: точно положили туда всю эту кучу яблокъ, и они, страшно тяжелыя, давили, мучили его. Ему вспоминался почему-то старый Иванъ Ивановичъ и казался такимъ обиженнымъ и несчастнымъ, что у Мати щекотало въ горлѣ отъ жалости къ нему... Онъ не только не могъ ѣсть яблокъ, но даже и смотрѣть на эти трофеи ночного похода. Игра въ разбойники, веселая и интересная, казалась ему теперь не только не привлекательной, но и унижительной, и онъ думалъ, что лучше бы имъ играть во что-нибудь другое, безобидное.

Товарищи вполнѣ раздѣляли его настроеніе. Когда кто-то сказалъ, какъ бы про себя:—Бѣдный, Иванъ Ивановичъ!—всѣ смущенно переглянулись и виновато опустили головы.

Такъ не могло продолжаться. Нужно было какимъ-нибудь образомъ отвязаться отъ яблокъ, чтобы обрѣсти покой, и всѣ думали объ этомъ. Они вспомнили рассказы о томъ, какъ преступники, которыхъ не успѣли поймать, мучимые совѣстью и раскаяніемъ, сами заявляли о себѣ полиціи и просили наказанія... И они хотѣли бѣжать къ Ивану Ивановичу и со слезами на глазахъ умолять о прощеніи. Вѣдь, они сдѣлали это не отъ нужды, и Иванъ Ивановичъ не богатъ.

— Слушайте!—вдругъ предложилъ Матя.—Положимъ яблоки въ мѣшки и... бросимъ черезъ заборъ Ивану Ивановичу въ садъ!

Онъ посмотрѣлъ вопросительно на друзей, боясь, что они не согласятся, но Саша и Коля радостно ухватились за эту мысль: вѣдь, это былъ единственный способъ избавиться отъ мучительной совѣсти.

Они быстро схватили мѣшки и потащили...

Когда послѣдній мѣшокъ скрылся за заборомъ, «разбойники» облегченно вздохнули, и Матя проговорилъ:

— Не лучше ли намъ играть въ... индѣйцы? а?

Саша и Коля охотно согласились, и шайка отважныхъ разбойниковъ перестала существовать.

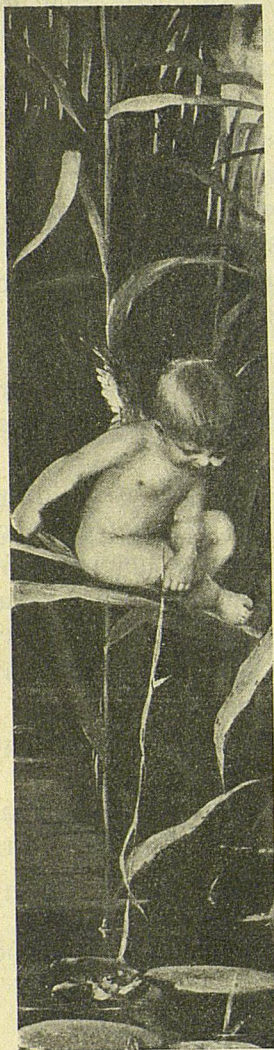
Л. Кормчій.

Угадайте, какая пословица изображена здѣсь.

ТАЙНА ПОКИНУТАГО ПРИСКА.

Разсказъ Л. Андрусона.

Отъ редакціи. Наши юные читатели, конечно, поймутъ, что этотъ разсказъ, присланный намъ ученикомъ четвертаго класса гимназіи,—невольная пародія на романы съ приключеніями. Но здѣсь эта пародія продѣлана двумя мальчуганами въ дѣйствительности. Не трудно догадаться, что дѣтская игра легко могла превратиться въ опасность. Что тогда? Пусть этотъ разсказъ послужитъ предостереженіемъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія фантастическими романами. Какъ отъ смѣшнаго до великаго, такъ здѣсь отъ игры до опасности—одинъ шагъ.

Предисловіе.

Я гимназистъ четвертаго класса гимназіи.

Мнѣ 14 лѣтъ,—несмотря на это, я принималъ участіе во множествѣ очень опасныхъ и весьма таинственныхъ приключеній, видѣлъ много крови и огня, какъ говоритъ знаменитый писатель Густавъ Эмаръ. Я собственноручно сдиралъ кожу съ живого моего врага Ку-Ри-Пата—«Волчьей Пасти» въ Ущельѣ Старой Вѣдьмы. А въ другомъ случаѣ меня самого сжегъ живымъ мой злѣйшій врагъ Моку-Па-Теле—«Бурый Медвѣдь», или «Черная Пантера», или «Красный Леопардъ»—никто въ точности не зналъ, что значить Моку-Па-Теле—это красивое имя великаго вождя апаховъ. И я спасся отъ смерти только благодаря моей необычайной хитрости и необыкновенной смѣлости, на что и указываетъ данное мнѣ врагами прозвище Ра-Ни-Току—«Пожиратель краснокожихъ». Это необыкновенное происшествіе происходило въ долинѣ Мертвой Рѣки—Ріо-дель-Морте. И такъ, далѣе. И я тоже прочиталъ очень много хорошихъ и замѣчательныхъ книгъ Густава Эмара, Майнъ-Рида, Купера, Жюль Верна и другихъ великихъ писателей. И тогда мнѣ пришла въ голову блестящая идея писать въ формѣ романовъ всѣ мой замѣчательныя и опасныя приключенія. Но, къ сожалѣнію, я живу не въ Америкѣ. Какъ извѣстно, всѣ хорошіе романы происходятъ въ Америкѣ... И зовутъ меня Александръ Коростылевъ. Но всѣ мои товарищи-индѣйцы, то есть другіе мальчики, говорятъ, что это очень американское имя. Поэтому не бѣда. Я могу вообразить, что всѣ мои приключенія происходили въ Америкѣ. Я вообразилъ и написалъ очень много американскихъ романовъ, которые вы можете когда-угодно прочесть, если только разберете, что я написалъ, потому что я всегда получалъ двойку за чистописаніе.

Еще я думаю, что мнѣ тоже когда-нибудь могутъ поставить памятникъ за всѣ мои геройскіе подвиги, какъ Симону Боливару, капитану Куку, Джемсу

Россу и другимъ великимъ героямъ, и на памятникѣ, какъ это принято, тоже сдѣлають надпись:

«Александру Коростылеву, Великому Пожирателю Краснокожихъ и другихъ негодяевъ. На вѣки вѣковъ. Незабвенная Родина».

Вотъ мой первый американскій романъ, сдѣланный изъ моего собственнаго приключенія. Пожалуйста, прочитайте и скажите: чѣмъ я хуже Конанъ-Дойля и Купера?

Тайна покинутаго пріиска.

Романъ Александра Коростылева. Въ трехъ частяхъ.

Часть I.

Было ясное морозное утро. Наканунѣ вечеромъ и ночью выпалъ снѣгъ, и онъ лежалъ теперь до самыхъ горъ ровной бѣлой пеленой. Небо было безоблачно. А вершины горъ Чортова Пика ослѣпительно сіяли въ первыхъ лучахъ восходящаго солнца. Это было величественное зрѣлище.

Молодой рудокопъ и золотоискатель Билли Бонксъ въ очень мрачномъ настроеніи духа сидѣлъ въ своей деревянной, наскоро сколоченной хижинѣ и пилъ крѣпкій горячій чай, подливая въ него изрядную порцію виски и окружая себя клубами дыма отлично раскуренной трубки. Это былъ плотный и коренастый, широкоплечій молодой человекъ съ ясными, выразительно блестящими глазами, руки котораго изобличали необыкновенную физическую силу, а вся наружность указывала на твердость и непреклонность желѣзнаго характера. Какъ уже сказано, думы молодого героя были не особенно веселаго свойства.

— Чортъ возьми!—говорилъ онъ задумчиво и какъ бы про себя:—этотъ проклятый снѣгъ губитъ всѣ наши планы и надежды; жди теперь, когда онъ растаетъ. Неужели опять придется прекратить работу на неопредѣленное время?

— Хотя,—прибавилъ онъ съ горечью,—это мало мѣняетъ наше грустное положеніе. По правдѣ говоря, нашъ пріискъ двухъ копѣекъ не стоитъ! За послѣднюю недѣлю мы не намыли золота и на 10 долларовъ, и если такъ будетъ продолжаться, то скоро мы всѣ подохнемъ съ голоду, не правда ли, Блэкъ?—говорилъ онъ, трепля шею великолѣпной черной собаки, лежавшей у ногъ своего хозяина.—Хотѣлъ бы я знать, куда чортъ унесъ Гарри?

Какъ бы въ отвѣтъ на эти слова, дверь хижины распахнулась и вмѣстѣ со струей холоднаго воздуха въ комнату вошла стройная, изящная фигура товарища Билли Бонкса, Гарри Мура.

— Билли,—быстро заговорилъ вошедшій,—Билли! хорошія новости! Однако, я чертовски продрогъ и нѣтъ ли у тебя глотка горячаго чаю?

— Самый горячій чай, Гарри, и стаканчикъ виски и трубка. Только скажи, пожалуйста, чего ты радуешься? И куда тебя чортъ носилъ?

— Очень даже есть чему радоваться, Билли,—мы богаты теперь, Билли, страшно богаты; мы—милліонеры.

— Ты здоровъ, Гарри, и не пьянъ?

Съ торжествующимъ смѣхомъ перебросилъ Гарри своему другу скомканный, измятый клочокъ бумаги:

— Вотъ,—весело хохоталъ онъ,—читай!

И съ величайшимъ изумленіемъ прочелъ Билли слѣдующее, написанное по испански, посланіе:

«Да, amigo, въ то время, какъ всѣ эти дураки воображаютъ, что я нищій, бродяга, неудачникъ, и всѣ смѣются да издѣваются надо мной,—я такъ богатъ, какъ имъ и во снѣ не снилось: я богаче всего ихъ дурацкаго Покервиля. И вся разница между мной—нищимъ и бродягой—и ими только та, что я не такъ глупъ, какъ они. Я пишу тебѣ это письмо, amigo, буквально на грудахъ золота, и тайна его происхожденія скрыта подъ скалой, изъ которой вытекаетъ ручей,—тамъ, гдѣ стоитъ моя хижина... Но если даже и узнаетъ кто-нибудь»...

На этомъ обрывалась рукопись.

— И знаешь, кто это писалъ?—смѣялся Гарри,—долговязый Рамиресъ, да—этотъ нищій и пьяница испанецъ.. Ты понимаешь, Билли?

— Начинаю догадываться...—широко улыбаясь, отвѣчалъ Билли.—Но откуда, скажи на милость, у тебя эта бумага.

— Вотъ видишь, въ чемъ дѣло. Какъ тебѣ извѣстно, Рамиресъ уже два мѣсяца сидитъ за убійство Сименса въ Сатансвилльской тюрьмѣ и, надо надѣяться, просидитъ за четырьмя стѣнами еще и еще столько же. Ты знаешь также, что Рамиресъ чуть не улизнулъ тогда отъ властей и непременно удралъ бы, если бы мальчуганъ Томми не указалъ Рыжему Дикю, брату убитаго, куда скрылся Рамиресъ. Такъ вотъ, вчера вечеромъ въ салонѣ Мака Доннеля Томми разсказалъ мнѣ, что онъ слышалъ, какъ за день до убійства Рамиресъ похвалялся какому-то черномазому испанцу, что онъ, Рамиресъ, очень богатъ, только никто не знаетъ объ этомъ. Это навело меня на разныя догадки, и я сегодня, ни свѣтъ-ни заря, былъ въ хижинѣ Рамиреса и нашелъ эту бумажку у него въ печкѣ. Но идемъ, Гарри, не надо терять времени. Топоръ, мотыка, парочка револьверовъ да сани—вотъ и все, что намъ надо. Потерпи, Блэкъ, потерпи только до вечера... Мы тебя угостимъ сегодня отличнымъ ужиномъ... Мнѣ кажется, Гарри, что всякія предосторожности излишни. До участка Рамиреса отъ насъ не болѣе двухъ миль, и по крайней мѣрѣ на шесть, на семь миль въ окружности мы не рискуемъ встрѣтить ни одного человѣка... Ура, Гарри! Ура!

Заглянувшій въ окно хижины былъ бы крайне изумленъ: два одѣтыхъ въ лохмотья молодыхъ человѣка исполнили нѣчто вродѣ военной пляски краснокожихъ. Къ нимъ присоединился Блэкъ съ громкимъ веселымъ лаемъ.

Часа черезъ полтора, продрогшіе и озязбіе, два друга подходили къ жалкой и убогой хижинѣ у подножія одной изъ горъ Чортова Пика.

Черезъ нѣкоторое время внутри хижины раздавались удары топора и слышался трескъ ломаемаго дерева.

— А вѣдь, дѣйствительно, Гарри,—этотъ долговязый дуракъ—буквально сидѣлъ на грудахъ золота!—съ трудомъ проговорилъ Билли, у котораго духъ захватило отъ неожиданности.

Изъ отверстія развороченнаго пола въ глаза друзьямъ ударила груда мѣшковъ золота—прямо несмѣтное богатство.

— Господи!—хрипло прошепталъ ошеломленный Гарри.

— И вѣдь все это, смотри, не намытое золото, а самородки еще невиданной величины и чистоты. Клянусь челюстью нашего Блэка: этотъ испанскій идіотъ—самый богатый человѣкъ на свѣтѣ.

Въ это время снаружи послышался яростный лай, выстрѣлъ, громкій болѣзненный вой—и все стихло.

Билли и Гарри съ револьверами въ рукахъ выскочили изъ хижины.

— *Caramba!*— твердо и отчетливо произнесъ хриплый и густой басъ.— Это вы, мои молодые друзья. Очень радъ васъ видѣть. Чѣмъ, смѣю спросить, обязанъ честию вашего посѣщенія? Однако, джентльмены, насколько мнѣ извѣстно, среди представителей высшаго свѣтскаго общества, къ которому, несомнѣнно, принадлежимъ я и вы, не принято, не такъ ли, джентльмены, не принято, говорю я, ходить въ гости въ отсутствіе хозяина. Такъ ли я говорю, джентльмены? *Caramba!*

Длинная и тощая фигура обладателя этого твердаго и спокойнаго голоса отчетливо и рѣзко рисовалась на бѣломъ снѣгу.

— Рамиресь!—невольно воскликнули оба друга.

— Да, джентльмены, это я, къ вашимъ услугамъ.

Усы испанца вызывающе топорщились къ ушамъ; тонкій ротъ кривился въ гримасу, изображавшую улыбку. Въ правой рукѣ испанецъ держалъ карабинъ, направленный на Гарри Мура, въ лѣвой рукѣ ярко сверкалъ на солнцѣ револьверъ, обращенный къ Билли Бонксу. Ко всѣмъ этимъ весьма неприятнымъ качествамъ испанца присоединялось еще одно крайне скверное, даже можно сказать возмутительное обстоятельство. Лѣвый глазъ испанца умѣлъ метать молніи и мигать самымъ трагическимъ дьявольскимъ образомъ. Это дьявольское миганіе лѣваго испанскаго глаза всегда производило на зрителей потрясающее и ошеломляющее впечатлѣніе. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Во время своей насмѣшливой рѣчи испанецъ пригвоздилъ къ мѣсту своимъ дьявольскимъ мигающимъ лѣвымъ глазомъ сначала Гарри Мура, и молодой челоуѣкъ совершенно оцѣпенѣлъ, хотя спокойная, джентльменски изящная улыбка не покидала его тонкаго благороднаго лица. Затѣмъ этотъ проклятый глазъ самымъ звѣрскимъ образомъ обратился къ Билли Бонксу. Это былъ критическій моментъ.

Вдругъ случилось нѣчто никѣмъ непредвидѣнное, весьма неожиданное и въ то же время поразительное: всѣми забытый Блэкъ, безшумно и осторожно, подползъ къ испанцу и, ни слова не говоря, цапнулъ его за ногу.

Испанецъ вскрикнулъ, карабинъ и револьверъ выпали изъ высоко вскинувшихся рукъ, и здоровенный мощный кулакъ обрушился на голову собаки.

Но когда длинная тощая фигура Рамиреса выпрямилась, блеснувшій въ рукѣ Билли Бонкса револьверъ Кольта оглушительно всадилъ пулю въ дьявольски мигающій лѣвый глазъ испанца.

Медленно, какъ бы раздумывая, длинная нескладная фигура качнулась впередъ и упала носомъ въ снѣгъ...

Часть II.

Что, читатели, интересно? А вы думаете то, что происходило въ дѣйствительности, было менѣе трагично и поразительно?!

Въ дѣйствительности происходило слѣдующее:

Я, Александръ Коростылевъ, сидѣлъ въ ясное зимнее утро въ нашемъ дровяномъ сараѣ и старался вытесать изъ куска дерева австралийскій бумерангъ.

Вдругъ въ сарай вбѣжалъ мой лучшій другъ и главный помощникъ Колька Сальскій—Гремучая Змѣя.

— Сашка, я нашелъ кладъ!—весело кричалъ онъ.

Я сердито замоталъ головой.

— Ей Богу! У меня даже манускриптъ есть.

— Не ври, Колька!—сказалъ я очень серьезно и торжественно.—По шеѣ хочешь?

И я великодушно далъ ему по шеѣ.

Мой великій другъ заморгалъ глазами, но выдержалъ характеръ и не заревѣлъ.

— Ей Богу, Саша, я не вру.

И дѣйствительно — онъ вытащилъ изъ-за пазухи потрепанную тетрадь.

— Вотъ видишь:—Клады въ окрестностяхъ города Краснозатылкова.

И я съ удивленіемъ читалъ:

— Кладъ бывшаго средневѣковаго монастыря.

— Это нашъ кладъ!—перебилъ меня Колька.

— Въ подземельяхъ монастыря скрыто пять ящичковъ старинной золотой монеты... Это гдѣ-же?—спросилъ я, крайне заинтересованный.

— На Баронской дачѣ. Знаешь, въ томъ домѣ, гдѣ зимой никто не живетъ.

— Такъ, вѣдь, это же не монастырь!

— Конечно, нѣтъ! Когда мой дѣдушка былъ еще мальчишкой, то монастырь уже развалился и потомъ тамъ построили дачу. Мы заберемъ въ домъ, разворотимъ полъ и выкопаемъ каменную плиту съ кольцомъ. Это входъ въ подземелье. Мы поднимемъ плиту, заберемъ въ подземелье и возьмемъ кладъ.

— Ты это вѣрно знаешь?

— Вѣрнѣе смерти! Вотъ видишь,—у меня съ собой ломъ и фонарь, а ты возьми топоръ и заступъ... И мы будемъ очень богаты.

Мы позвали Жука, мою большую черную собаку, которая всегда принимала участіе во всѣхъ нашихъ опасныхъ экспедиціяхъ, потомъ старательно запрятали наши инструменты подъ пальто и пошли. Скоро мы подошли къ развалившейся деревянной, бывшей когда-то Баронской дачѣ, до которой отъ нашего дома было недалеко. Перелѣзли черезъ заборъ и Жуку помогли перелѣзть. Чтобы отворить двери, было много возни. Такъ мы съ Колькой забрались въ домъ. Жукъ остался на улицѣ—сторожить... Мы уже разворотили полъ и я работалъ заступомъ, выбрасывая землю. Кладъ былъ нашъ.

Вдругъ Жукъ залаялъ. Мы прислушались. Все было тихо: Но только что я успѣлъ два три раза погрузить заступъ въ землю, какъ въ окнѣ показалась отвратительная фізіономія долговязаго Фильки,—это сынъ дворника Баронской дачи.

— Какого чорта вы здѣсь дѣлаете?

Дѣйствіе этихъ простыхъ словъ было поразительно: въ одно мгновеніе мы очутились на уцѣлѣвшей какимъ-то образомъ крышѣ веранды.

Но и долговязый злодѣй тоже не зѣвалъ: онъ уже стоялъ внизу подъ крышей и осыпалъ насъ градомъ ругательствъ. Положеніе было опасное.

Мы съ Колькой быстро носились съ крыши на трубу, а оттуда обратно, такъ какъ негодяй внимательно слѣдилъ за нами.

Наконецъ, мнѣ это преслѣдованіе окончательно надоѣло.

— Колька,—тихо сказалъ я своему другу,—я сейчасъ прыгну съ крыши и убью Фильку, а ты тоже прыгай и бѣги.

— А куда же мы его спрячемъ?—робко спросилъ Колька.

— Мы стащимъ его въ домъ и тогда зажжемъ домъ, и Филька сгоритъ вмѣстѣ съ домомъ. Пока прїѣдутъ пожарные,— все будетъ кончено.

— Какой ты умный,— хлопаль въ ладоши и восхищенно смѣялся Колька.

— Какого чорта вы радуетесь, молокососы?—тоже смѣялся, ничего не подозрѣвая, Филька.

Я вытащилъ изъ кармана деревянный испанскій кинжалъ, раскрылъ его и подошелъ къ краю крыши.

— Лѣзь, Филька, сюда!—издѣвался я надъ гнуснымъ злодѣемъ. По настоящему, у меня долженъ бы быть револьверъ, но дѣлать нечего—приходилось довольствоваться кинжаломъ.

— Лови, Филька!—крикнулъ я, прыгая съ крыши и нанося врагу ударъ кинжаломъ.

Негодяй издалъ громкое проклятіе и со стономъ упалъ на снѣгъ. Мы съ Колькой бѣжали что есть духу. Мы были спасены. Когда мы обернулись, Филька сидѣлъ на снѣгу, размахивалъ своей раненой рукой и ругался. Кровь текла изъ пальца, какъ изъ барана. Жукъ, прыгая вокругъ насъ, хохоталъ во все свое собачье горло.

— Будетъ онъ жаловаться?—спрашивалъ Колька, когда мы уже окончательно спаслись и спокойно шли по дорогѣ.

— Никогда! Ему будетъ стыдно сознаться, что я его довольно смертельно ранилъ въ руку.

— А зачѣмъ мы его не сожгли?

— Чудакъ!—засмѣялся я,—вѣдь я его не совсѣмъ убилъ. Но, одержавъ побѣду, мы сегодня-же сождемъ руины этого замка и завладѣемъ участкомъ земли съ его таинственнымъ кладомъ.

Благосклонный читатель уже, конечно, догадался, что знаменитый герой Билли Бонксъ—это я, а его знаменитый другъ Гарри Муръ—это мой другъ Колька. Долговязый испанецъ Рамиресъ—это, конечно, долговязый Филька. Тайна покинутого прїиска Рамиреса — это, конечно, тайна монастырскаго клада въ обратившейся въ мусоръ Баронской дачѣ.

Такъ изъ моего опаснаго приключенія я сдѣлалъ настоящій американскій романъ. Можетъ быть, вы, благосклонный читатель, хотите, чтобы я продолжилъ этотъ потрясающій романъ. Съ удовольствіемъ. Слушайте.

Часть III.

Пора, какъ всегда говоритъ Густавъ Эмаръ, вернуться къ прерванной нити нашего необыкновеннаго, но правдиваго повѣствованія.

Мы остановились на томъ, какъ жестокая, но справедливая рука Провидѣнія покарала смертью долговязаго негодяя, испанца Рамиреса.

— Собакѣ собачья и смерть!—сказалъ Гарри, ткнувъ ногой прострѣленную башку негодяя.

— Надо убрать эту падалъ!—сказалъ Билли Бонксъ.

Онъ скрестилъ руки на груди и глубоко задумался.

— Мы пока стащимъ трупъ въ хижину, перенесемъ золото на наши сани, а затѣмъ подожжемъ хижину... Господи! Гарри, смотри, что негодяй сдѣлалъ съ нашимъ Блэкомъ!

Дѣйствительно, изъ праваго бедра собаки пулей былъ вырванъ кусокъ мяса, кровь обильно струилась на снѣгъ.

Несмотря на холодъ, Билли быстро снялъ съ себя куртку и рубашку, оторвалъ отъ нея широкую полосу полотна и осторожно перевязалъ рану Блэка. Перетасили трупъ испанца въ хижину и быстро нагрузили сани мѣшками золота *).

— Изъ Покервиля наврядъ ли увидятъ пожаръ, такъ какъ поселокъ находится за горой,—говорилъ Билли Бонксъ, поджигая хижину.

Съ трескомъ обрушились крыша и стѣны (въ дѣйствительности стѣнъ не было) быстро сгорѣвшей лачуги...

— Вотъ видишь, Гарри, ни одинъ человекъ въ мирѣ не догадается, что испанецъ былъ уже мертвъ, когда сгорѣлъ!—сказалъ Билли, указывая на обуглившійся трупъ Рамиреса.

Занятые дѣломъ, друзья и не замѣтили, какъ подулъ сильный теплый вѣтеръ, и по небу ползли огромныя черныя тучи.

Только что они съ трудомъ успѣли добраться до дому, везя на саняхъ, кромѣ золота, также раненаго Блэка, какъ разразился сильнѣйшій ливень, продолжавшійся часа полтора и окончательно смывшій слѣды кроваваго преступленія.

Не правда-ли, какъ легко, обладая несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, обращать дѣйствительность въ фантастическій романъ?

А, вѣдь, на самомъ дѣлѣ все окончилось такъ:

Торжествуя побѣду надъ Филькой, я и мой другъ Колька, рѣшивъ завладѣть участкомъ земли и его таинственнымъ кладомъ, въ этотъ же день зажгли съ двухъ сторонъ красовавшійся на землѣ мусоръ и обломки существовавшей когда-то Баронской дачи и, когда мусоръ сгорѣлъ, вѣдрили въ землю шесть съ прикрѣпленной на немъ доской съ надписью:

«Участокъ земли Билли Бонкса, Гарри Мура и Блэка».

Другими словами: Александра Коростылева, Кольки Сальскаго и нашего друга Жука.

Первыми, кто узналъ о завоеваніи нами богатыхъ владѣній, были мужики, подѣхавшіе на телѣгахъ съ известкой и кирпичемъ для будущей постройки на этомъ мѣстѣ, купленномъ для огорода отцомъ Фильки, небольшого домика, а затѣмъ увидѣли пришедшіе для расчистки мусора плотники и каменщики, и были страшно обрадованы неожиданнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ бывшія руины обратились при нашей помощи въ золу.

Узнали потомъ и наши родители...

Но объ этомъ позвольте не упоминать. Отношеніе ихъ къ событію не было похоже на средневѣковую инквизицію и потому не поддается красивому описанію.

Эпилогъ.

А Филькѣ я когда-нибудь еще дамъ по загривку! Во-первыхъ—не фискаль, а во-вторыхъ: зачѣмъ, когда мы съ Колькой удирали, стибрилъ мой деревянный испанскій кинжалъ?!

КОНЕЦЪ.

*) Въ дѣйствительности, это были простые камни отъ фундамента бывшей когда-то дачи.

С о б а к а.

ажется, ничего нѣтъ печальнѣе, когда приходится видѣть бездомную, голодную собаку.

Всегда почему-то стыдно бываетъ передъ ней, какъ передъ человѣкомъ, котораго незаслуженно обидишь.

Можетъ быть, потому, что собака единственное изъ всѣхъ животныхъ, которое безкорыстно и вѣрно предано человѣку и всю свою жизнь отдало на служеніе ему.

Лошадь, корову и прочихъ животныхъ нужно приручить, поработать, насильно заставляя служить человѣку.

Лошадь никогда добровольно не подставитъ человѣку спину и не повезетъ его, корова никогда не дала бы молока, если бы человѣкъ разными хитростями и обманомъ не приучилъ ее къ этому, и каждая лошадь, каждая корова съ огромнымъ удовольствіемъ промѣняла бы теплую конюшню и хлѣвъ на просторъ степей, на свою свободную жизнь дикаго животнаго, если бы не сдерживали ихъ веревки и хомуты. Кто-же и когда собакъ внушилъ мысль охранять имущество человѣка, защищать его, бросаться на врага съ оскаленными зубами и жертвовать своею жизнью ради человѣка.

Развѣ лошадь и корова будутъ рисковать ради человѣка и приносить въ жертву ему свою жизнь? Конечно, нѣтъ!

Но почему это дѣлаетъ собака? Ради чего, ради какихъ выгодъ? Можетъ быть, ради того, что ее кормятъ?

Но вы попробуйте не кормить ее, бить—и все-таки она будетъ предана вамъ, будетъ защищать ваше имущество, охранять отъ вторженія врага тотъ кусокъ земли, которымъ вы владѣете и который умѣщается въ мозгу ея такъ же, какъ въ вашемъ сознаніи,—какъ ваша собственность, вашъ дворъ, ваша усадьба, ваша квартира.

Откуда и почему это странное подчиненіе и служеніе человѣку безъ корысти, безъ требованія награды?

Когда-то собака была свободной, какъ волкъ, какъ всякій дикій звѣрь.

Она рыскала по полямъ и лѣсамъ и жила своимъ счастьемъ, своей радостью и печалью.

И вотъ давно-давно, на грани вѣковъ, случилось нѣчто странное въ судьбѣ собаки, и она безропотно и безповоротно подчинилась человѣку, слилась съ его желаніями и требованіями, съ радостью его и горемъ.

И собака не могла уже освободиться отъ этого подчиненія. Прошли вѣка, и не обрывалась, не исчезала любовь собаки къ человѣку и преданность ему. Она могла уже только жить возлѣ человѣка и въ томъ, чтобы служить ему, оберегать его и его имущество отъ враговъ, угадывать и узнавать—кто другъ, а кто врагъ, кого нужно любить и кого ненавидѣть, въ этомъ только былъ смыслъ жизни собаки.

Но есть собаки, непринятая человѣкомъ, отвергнутая имъ, и такая собака бываетъ несчастной.

Голодная и одинокая, отвергнутая человѣкомъ собака вызываетъ еще большую жалость, чѣмъ нищій, босыякъ, калѣка.

Богъ далъ человѣку разумъ, и если человѣкъ лишится самага необходимаго, если онъ будетъ голодать, то сколько все-таки возможностей имѣется у него, чтобы продлить свою жизнь. Но что можетъ сдѣлать одинокая, заброшенная человѣкомъ собака, у которой одно только и есть—любовь къ человѣку, за которую она не можетъ получить даже куска хлѣба?

У нея нѣтъ хитрости и разума человѣка.

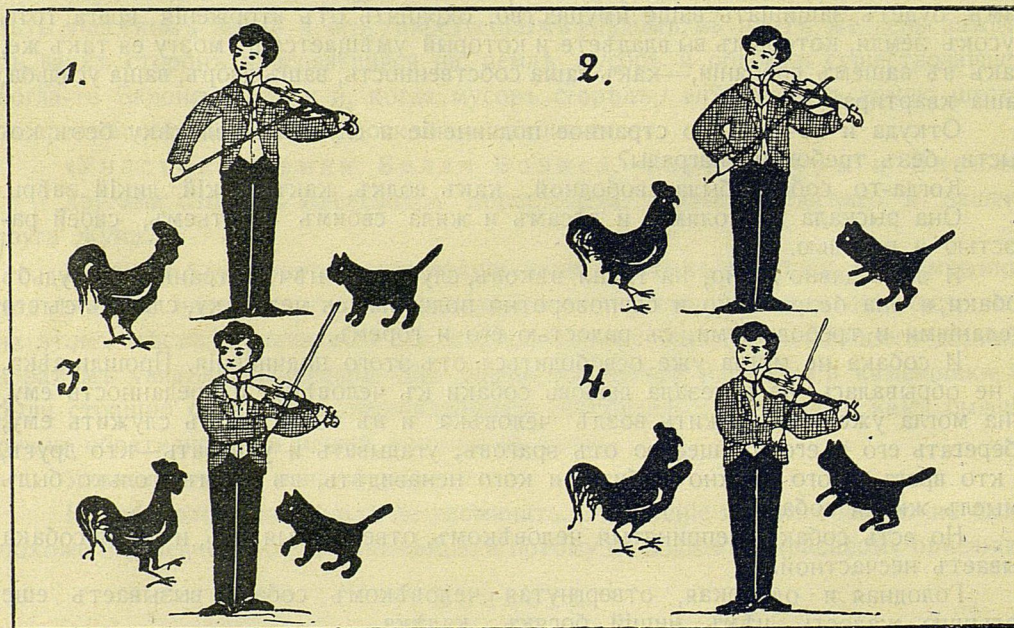
Не отталкивайте собакъ заброшенныхъ или потерявшихъ своего хозяина, собаки—наши истинные друзья. Попадется гдѣ-либо несчастная, обогрѣйте ее, дайте кусокъ хлѣба!

Игры и забавы.

Веселый музыкантъ.

Мы сами можемъ устроить музыканта, но только веселаго. Подъ его игру запляшутъ звѣри, даже на картинкахъ.

Склейте четыре куска папки, какъ показано на рис. Въ серединѣ,—тамъ, гдѣ куски папки сходятся, продѣньте толстую проволоку, или, еще лучше, деревянную палочку, заостренную внизу. Вверху какъ проволока, такъ и палочка должны немножко выступать надъ папкой. Все готово. Надо только подыскать подходящія картинки, ну, а если ихъ не найдете, то придется нарисовать самимъ или попросить знакомаго художника. А картинокъ нужно всего четыре. На первой изъ нихъ музыкантъ готовится опустить смычекъ на свою скрипку. На второй—онъ уже двинулъ смычкомъ вверхъ. На третьей—онъ начинаетъ опускать смычокъ. На четвертой—смычокъ совсѣмъ опущенъ. На всѣхъ картинкахъ необходимо изобразить звѣрей. На первой—они лежатъ спокойно у ногъ музыканта. На второй они немного поднялись отъ земли. На третьей—стоятъ на заднихъ лапкахъ, на четвертой—подпрыгнули вверхъ. Наклейте всѣ эти картинки такъ, какъ показано на рисункѣ. Теперь музыкантъ можетъ начинать свою игру, и звѣри тотчасъ-же запляшутъ. Для этого надо только привести устроенный приборчикъ къ быстрому вращенію. Если у васъ имѣется столовая висячая лампа, то подвѣсьте къ ней вашъ приборчикъ на бечевкѣ, закрутите ее, сколько сможете, и пусть раскручивается. Тогда приборчикъ и наклеенныя на немъ фигурки будутъ кружиться... Впечатлѣнія, получаемыя глазомъ отъ четырехъ разныхъ картинокъ, сольются, и вамъ покажется, будто музыкантъ двигаетъ смычкомъ по скрипкѣ, а звѣри вокругъ него пляшутъ.

Фигурки слѣдуетъ скопировать въ длинную ленту бумаги въ томъ порядкѣ, какой указанъ цифрами. Фигуры, представленныя на рисункахъ, копируются такъ. На рисунокъ накладывается листикъ тонкой прозрачной бумаги, которая называется калькою, и контуры копируемой фигуры обводятся карандашомъ. Чтобы во время копирования калька не сдвинулась съ мѣста, ее прищипливаютъ къ книгѣ небольшими кнопками. Съ кальки рисунокъ переводится на тонкую палку при помощи синей копировальной бумаги. Копировальная бумага накладывается на тонкую папку такъ, чтобы ея жирная сторона была обращена внизъ. Сверху на нее накладывается калька съ нанесенными контурами копируемой фигурки. Все укрѣпляется неподвижно при помощи кнопокъ. Послѣ этого контуры на калькѣ обводятся карандашомъ, калька же и копировальная бумага снимаются прочъ. На тонкой папкѣ ясно выступаютъ синіе контуры фигурки, которую остается только вырѣзать. Фигуры слѣдуетъ растушевать такъ, какъ онѣ растушеваны въ журналѣ.

Національные танцы,
МАЛОРОССІЙСКІЙ КАЗАЧЕКЪ.

Allegro.

1.

Ш А Р А Д Ы.

- 1) *Началомъ* движутся машины,
Второе носятъ лишь мужчины,
А *цѣлое* необходимо намъ,
Когда мы ѣдемъ по волнамъ.
- 2) Найдется въ нотахъ *первый* слогъ;
Имѣй *второй*—бодаться-бъ могъ;
А *цѣлое*—когда-бы встало,
То до неба, пожалуй-бы, достало.

З А Г А Д К И.

- 1) Я чихаю, словно громъ.
А, какъ плюну—все верхъ дномъ!
- 2) Былъ ребенокъ—
Не зналъ пеленокъ,
Старъ сталь—
Пеленаться сталь.
- 3) Въ водѣ родится,
А воды боится.

СОДЕРЖАНІЕ.

1913 г.

Вып. 7-й.

	СТР.
На лодкѣ. Стихотвореніе Аркадія Рожкова.	204
Рыжикъ. Разсказъ П. В. Быкова.	205
Зависть. Стихотвореніе П. Муринскаго.	211
Маленькій горбунъ. Разсказъ Шарля Гирша.	212
Королева сада. Разсказъ Л. Кормчаго.	216
Тайна покинутаго пріиска. Разсказъ Л. Андрусона.	224
Собака. Статья.	231
Национальные танцы. Малороссійскій казачекъ. Ноты.	232
Веселый музыкантъ. Игры и забавы.	233
Крпптограммы, ребусы, загадки, шарады и проч.	

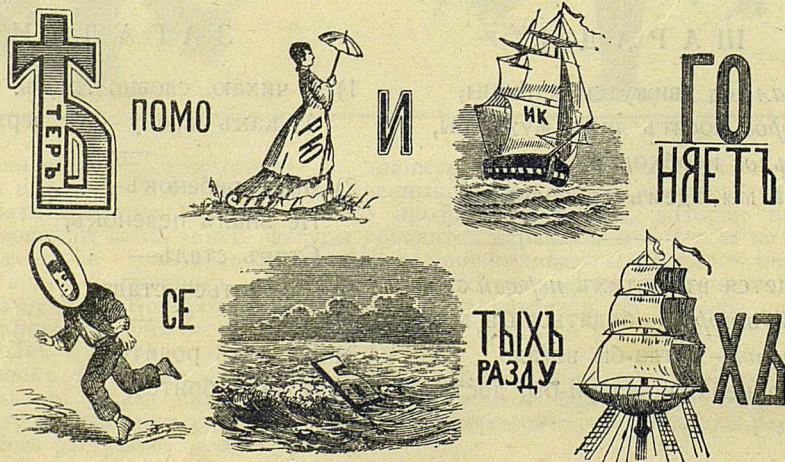

КАРТИНЫ: Одна картина, исполненная красками.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. В. А. Жуковскій. Избранныя сочиненія для дѣтей. 2. А. В. Кольцовъ. Стихотворенія.

РЕБУСЪ.

Редакторъ-Издатель Н. В. Корецкій.

1913 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1913 годъ
на единственный въ Россіи двухнедѣльный
художественно-литературный и научный журналъ

8-й годъ
изданія
журнала.

Пробужденіе

СЪ РОСКОШНЫМИ КАРТИНАМИ ВЪ КРАСКАХЪ

Подписавшіеся на 1913 годъ получаютъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца):
24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА Художественно-Литературнаго и Научнаго
журнала ПО ОБРАЗЦУ ЛУЧШИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЗДАНИЙ,
60 КАРТИНЪ: въ краскахъ, автотипій, олеографій, портретовъ.
12 ИЗЯЦНЫХЪ КНИГЪ избранныхъ и **НОВЫХЪ** разсказовъ **ЛЮБИМЫХЪ**
РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

БУДУТЪ ВЫДАНЫ КНИГИ СОЧИНЕНІЙ:
АВЕРЧЕНКО, Д. Т. ГУСЕВА-ОРЕНБУРГСКАГО, С. И. СКИТАЛЬЦА (ПЕТРОВА, С. Г.).
АМФИТЕАТРОВА, А. В. ИЗМАЙЛОВА, А. А. ТИХОНОВА, ВЛ. А.
АРЦЫБАШЕВА, М. П. КУПРИНА, А. И. ^{Новые} ^{разказы.} ЧИРИКОВА, Е. И.
БУДИШЕВА, А. И. МАМИНА-СИБИРЯКА, Д. И. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИКЪ, Т. Л.

Избранные разсказы М. Горькаго.

Въ художественномъ изданіи, съ портретами и биографіей.

6 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ КНИГЪ
РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ
Проф. П. Кудрявцева.

4 КНИГИ собранія сочиненій
„Такъ говорилъ **Ф. НИЦШЕ**
Заратустра“
съ портретомъ **Ф. НИЦШЕ.**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРЕМІИ:

ВОЛНЫ ИГРАЮТЪ (НИМФЫ)

Картина въ краскахъ для гостиной знамен.
художника А. Лишера. Размѣръ: 37 × 78.

РОСКОШНОЕ ПАНО

въ краскахъ для столовой „ФРУНТЫ“
художника Г. Альбусера. (размѣръ: 33 × 79).

Изящный альбомъ съ открытыми письмами

въ видѣ БЮВАРА, съ имитаціей на **муаровыхъ** крышкахъ серебряной доски и
барельефа статуи Антокольскаго, „ЮАННЪ ГРОЗНЫЙ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (безъ доставки) 7 р.; съ доставкой и пересылкой 8 р.; на пол-
года 4 р., на 3 мѣсяца 2 р., на мѣсяць 65 к. За границу 10 р.

Редакція журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 114.

Редакторъ-Издатель **Н. В. Корецкій.**

Къ свѣдѣнію Г.г. подписчиковъ.

За перемѣну адреса взимается 30 коп. почтовыми мар-
ками и необходимо прилагать свой прежній адресъ
(съ бандероли), безъ чего перемѣна не возможна.

Необходимо прилагать печатный адресъ при всѣхъ обращеніяхъ въ редакцію.
Лицамъ, пользующимся разсрочкой и не уплатившимъ денегъ своевременно, высылка
журнала, немедленно прекращается.

Заявленія о неполученіи какаго-либо № журнала передаютъ въ Почтамтъ для разслѣ-
дованія и должны быть высланы не позже полученія слѣдующаго за нимъ очереднаго №.
Неаккуратная доставка журнала, въ мѣстахъ гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій должна быть раз-
слѣдована самими подписчиками.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По дѣламъ изданія редакторъ принимаетъ по субботамъ отъ 7 до
10 часовъ вечера.

Г.г. авторовъ, присылающихъ рукописи, покорнѣе просятъ писать на одной сторонѣ ли-
ста и оставлять поля.

Редакціи принадлежитъ право измѣненія и сокращенія рукописей.

Вслѣдствіе громаднаго скопленія принятыхъ произведеній извѣстныхъ русскихъ писателей и
отвѣтственности въ скорѣйшемъ ихъ напечатаніи, въ 1913 году рукописи размѣромъ болѣе
половины печатнаго листа не принимаются.

Отвѣты зависятъ исключительно отъ усмотрѣнія редакціи, а потому почтовыхъ марокъ при
рукописяхъ просятъ не прилагать.

Рукописи менѣе печатнаго листа и стихотворенія, признанныя неудобными для печати, не
возвращаются.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ.

ТАКСА: За страницу въ 3 столбца, послѣ текста, 250 р., 1/2 страницы 125 р., за 1/4 страницы 90 р.,
1/4 страницы 70 р. За строку непарелли въ одинъ столбець 1 р. Разсылка проспектовъ при жур-
наль, вѣсомъ въ 1 лотъ по 10 рублей съ тысячи.

Цѣна отдѣльнаго № въ продажѣ 40 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 г.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
избранных произведений дѣтской литературы

ЖАВОРОНОКЪ

съ картинками въ краскахъ и прилож. дѣтскихъ книгъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Дѣтскіе рассказы, сказки, стихотворенія, Историческіе очерки, Фельетоны для дѣтей. Рисованіе, музыка, пѣніе, дѣтскій театръ, лѣпка изъ глины. Дѣтскія работы, Научныя статьи. Игры и забавы. Спортъ. Физика и химія въ играхъ. Собираніе растений, бабочекъ, грибовъ, монетъ и проч. Рыбная ловля. Астрономія, ботаника для дѣтей. Задачи, шарады, загадки. Странички для родителей и воспитателей.

Подписавшіяся на 1913 г. получать (ежемесячно 1-го числа):

12 иллюстрированныхъ выпусковъ
Художественно-Литературнаго и Научнаго журнала ДЛЯ ДѢТЕЙ въ изящныхъ обложкахъ

12 художественныхъ картинъ, исполненныхъ о о о красками. о о о

12 изящныхъ томиковъ избранныя произведенія для дѣтей знаменитыхъ русскихъ писателей, съ портретами авторовъ. Будутъ выданы СОЧИНЕНІЯ:
Аксакова. Жуковского. Кольцова. Лермонтова. Никитина. Толстого. Гоголя. Карамзина. Крылова. Ломоносова. Пушкина. Шевченко.

4 кн. „Веселая Библиотечка“:
съ смѣшными картинками.
1. Барабанъ. 3. Ванька-Встанька.
2. Хлопушка. 4. Ку-ка-ре-ку!

6 кн. „Библиотечка-Игрушка“ дѣтскія игры и развлеченія:
1. Дѣтскій театръ. 4. Игры забавы.
2. Веселый задачникъ. 5. Живчикъ.
3. Игрушки-самолѣлки. 6. Дѣтскій спортъ.
Маленьк. фокусникъ.

8 книжекъ съ картинками для нагляднаго обученія:
1. О звѣздочкахъ. 3. Маленькій звѣринецъ. 6. Царство грибовъ.
2. Среди цвѣтовъ. 4. Мой аквариумъ. 7. Коллекція монетъ.
3. Маленькая астрономія. 5. Книжка бабочекъ. 8. Книжка рисованія.
4. Среди цвѣтовъ. 5. Маленькая ботаника.

Годовые подписчики получаютъ съ первымъ № журнала

роскошную стѣнную картину въ краскахъ, на паспарту,
Знаменитаго русск. художника **В. МАКОВСКАГО**, **ДѢТСКАЯ ГОЛОВКА** Работы поставщиковъ Двора Е. И. Величества, Голице и Вильборгъ.

Журналъ издается редакціей журнала „Пробужденіе“.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересыской 4 р., на полгода 2 р., на 3 мѣ. 1 р. За гран. 7 р.

Редакція журн. „ЖАВОРОНОКЪ“, СПБ., Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. Корецкій.

Цѣна отдѣльнаго выпуска 40 коп.